

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ бюллетень

Научно-исследовательского экономического института
Министерства экономики Республики Беларусь

Основан в 1997 г.

Издается ежемесячно

№ 10 (256) октябрь 2018

Главный редактор

Я.М. Александрович

Редакционный совет:

**А.В. Червяков – зам. гл. редактора, Н.В. Радченко – отв. секретарь,
А.В. Богданович, Л.С. Боровик, Г.И. Гануш, В.Г. Гусаков,
А.М. Заборовский, М.К. Кравцов, Л.М. Крюков, С.Ф. Миксюк,
Л.Н. Нехорошева, П.Г. Никитенко, В.В. Пинигин, В.В. Пузилов,
К.В. Рудый, В.С. Фатеев, Г.А. Хацкевич, К.К. Шебеко, А.П. Шпак**

Международный совет:

**В. Маевский (Россия), В.И. Видяпин (Россия),
М. Кламут (Польша), В. Коседовский (Польша), С. Станайтис (Литва),
В. Меньшиков (Латвия), Ф. Вельтер (Германия)**

Экономический бюллетень включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований.

Мнение авторов статей не обязательно совпадает с позицией редколлегии.

При перепечатке ссылка на Экономический бюллетень обязательна.

Публикуемые материалы рецензируются.

**УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ
УПРАВЛЕНИЯ**

Берченко Н.Г. Реализация целей устойчивого развития на региональном уровне: проблемы и пути решения	4
Гончар Е.А., Белоусов А.В., Чемердовская М.Б., Ланкуть Е.А., Митрофанов В.А. Национальные программы зарубежных стран: реализация целей Повестки дня – 2030	14
Иванов М.Б. Проблемы устойчивого развития экономики Брестской области	29
Ковалевская А.А., Тютюков А.Н. Крупные города как объекты региональной политики	40

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ БЕЛАРУСИ СО СТРАНАМИ ЕАЭС

Вертинская Т.С. Организационно-правовые формы межрегиональных связей Беларуси со странами-членами ЕАЭС	48
--	----

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Голикова А.С. Бюджетная эффективность инвестиционного проекта и ее оценка	59
Резюме	68
Summary	69

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE ECONOMY AT DIFFERENT LEVELS OF MANAGEMENT

Berchanka N. The implementation of the sustainable development goals at the regional level: problems and solutions	4
Hanchar A., Chemiardouskaya M., Belavusau A., Lankuts E., Mitrafanav V. National programs of foreign countries: the implementation of the 2030 Agenda SDGs	14
Ivanov M. On the issues of sustainable economic development in Brest region	29
Kovalevskaya A., Tyutyukov A. Large cities as objects of regional policy	40

INTERREGIONAL CONNECTIONS OF BELARUS WITH EAEU COUNTRIES

Viartsinskaya T. Legal and institutional forms of interregional linkages between Belarus and the EAEU member states	48
--	----

THEORY AND METHODOLOGY

Golikava H. Indicators to estimate the budget efficiency of an investment project	59
Summary in Russian	68
Summary in English	69

РЕАЛИЗАЦИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ
УРОВНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Берченко Н.Г.

25 сентября 2015 г. государства-члены ООН приняли Повестку дня в области устойчивого развития до 2030 г. (далее – Повестка дня). Она пришла на смену Декларации тысячелетия ООН, принятой 8 сентября 2000 г. Генеральной ассамблеей ООН, согласно которой 193 государства-члены ООН и ряд международных организаций договорились достичь к 2015 г. 8 Целей тысячелетия.

Новая Повестка дня содержит 17 Целей устойчивого развития (ЦУР), которые направлены на ликвидацию нищеты, сохранение ресурсов планеты и обеспечение благополучия для всех¹. По каждой ЦУР сформулированы конкретные задачи, требующие решения в поставленные сроки, отобран ряд показателей, позволяющих оценить результаты предпринимаемых усилий, определены их количественные и качественные параметры.

Республика Беларусь, являясь активным участником движения мирового сообщества к устойчивому развитию, в ряду других государств-членов ООН подписала Повестку дня, приняв на себя обязательства по достижению ЦУР. Комплексность и масштабность взятых обязательств требуют реализации совместных усилий правительства, частного сектора, гражданского общества, каждого жителя, а также построения целостной системы скоординированных действий на национальном, региональном и местном уровнях.

В 2016–2017 гг. нашей страной проделана значительная работа по реализации ЦУР посредством системы институтов национального планирования и управления:

- скорректированы положения Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития до 2030 г. (новая редакция документа одобрена Президиумом

Совета Министров Республики Беларусь 2 мая 2017 г.)²;

- выполнена работа по актуализации перечня национальных показателей и созданию метаданных для обеспечения мониторинга достижения ЦУР³;
- учрежден пост Национального координатора и создан Национальный совет по устойчивому развитию с участием руководства 30 профильных органов государственного управления и регионов, а также региональные общественные группы по устойчивому развитию;
- подготовлен национальный доклад Республики Беларусь об осуществлении Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.⁴;
- по инициативе Министерства экономики на базе Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики образован Общественный совет по мо-

²URL: http://www.economy.gov.by/ru/dejst_prognoz_dok-ru/

³URL: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/SDG/>

⁴URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/16357Belarus.pdf>

ОБ АВТОРЕ

БЕРЧЕНКО**Наталья Геннадьевна**

(berchenko@mail.ru),
кандидат экономических наук,
доцент, заместитель директора
по научной работе НИЭИ
Министерства экономики
Республики Беларусь
(г. Минск, Беларусь).

Сфера научных интересов:
оценка и определение перспектив
развития экономического
потенциала регионов,
стратегическое территориальное
планирование, устойчивое развитие
регионов.

¹URL: https://unstats.un.org/sdgs/report/2016/The%20Sustainable%20Development%20Goals%20Report%202016_Russian.pdf

ниторингу и формированию стратегий устойчивого развития⁵. Деятельность совета направлена на обеспечение эффективного сотрудничества органов государственного управления, бизнес-структур, научных и образовательных кругов, общественных и международных организаций по разработке целей и приоритетов развития страны при подготовке документов долгосрочного и среднесрочного планирования и прогнозирования.

Все эти действия свидетельствуют о последовательном подходе Республики Беларусь к решению стоящих задач и отвечают усилиям, прилагаемым международным сообществом по реализации Повестки дня. В то же время анализ сложившейся в стране системы управления процессом устойчивого развития показывает, что успешная реализация ЦУР требует преодоления ряда системных проблем, которые характерны для общего механизма планирования и обеспечения устойчивого развития.

Большинство из них касаются регионального уровня управления, на котором, собственно, и происходит трансформация декларируемых общенациональных целей в практические действия по их достижению. Целостность системы управления процессом устойчивого развития предполагает решение на региональном уровне следующих задач:

- конкретизация общенациональных целей в документах, определяющих стратегические приоритеты регионального развития;
- реализация поставленных целей через комплекс задач на среднесрочную и краткосрочную перспективу;
- отражение целей и задач в индикаторах регионального развития;
- обеспечение функционирования системы мониторинга достижения целевых индикаторов;
- применение критериев устойчивого развития в практике принятия управленческих и бизнес-решений.

Однако действующая система еще не готова к их выполнению. Нерешенными остаются

вопросы институционального и организационного обеспечения, а также методологического и методического сопровождения процесса устойчивого развития.

Прежде всего не получил пока системного решения вопрос документального обеспечения устойчивого развития регионов. Принятая в стране система планирования и прогнозирования не предусматривает обязательность разработки на уровне регионов документов устойчивого развития стратегического характера. Долгосрочные приоритеты регионального уровня определяются Национальной стратегией устойчивого социально-экономического развития.

При этом уместно отметить, что в Беларуси имеется обширный опыт разработки документов устойчивого развития административно-территориальных единиц различного уровня (табл. 1).

Инициативными группами разработчиков в 2015–2016 гг. предприняты также попытки отражения ЦУР в местных стратегиях устойчивого развития. Причем если в Стратегии устойчивого развития Браславского района Витебской области ЦУР только перечислены как ориентиры при разработке документа, то в Стратегии устойчивого развития Чаусского района Могилевской области выполнена более основательная работа:

- проведено сопоставление каждой ЦУР с ситуацией в районе;
- в разделе «Чаусский район и цели в области устойчивого развития» в контексте каждой ЦУР выделены наиболее актуальные местные сегменты;
- при постановке стратегических целей территориального развития по каждой из них показана связь с конкретной ЦУР.

Несмотря на масштабность и разнообразие имеющегося опыта, необходимо признать, что он носит инициативный, а не системный характер. В силу этого разработанные документы не имеют единых общенациональных методических подходов; методологию осваивают только члены инициативных групп; преемственность опыта теряется с переходом разработчиков на другую работу; документы в большинстве случаев не имеют необходимых полномочий, так как не утверждены решениями органов местного управления и самоуправления.

⁵URL: <http://www.economy.gov.by/ru/news-ru/view/nachalas-rabota-nad-nsur-2035-vladimir-zinovskij-otkryl-zasedanie-obschestvennogo-soveta-44108-2017/>

Практика разработки документов стратегического характера на региональном и местном уровнях (некоторые примеры)

Документ	Административно-территориальная единица	Источник инициативы
Стратегический план устойчивого развития Минска на период до 2020 г.	г. Минск	В инициативном порядке местным сообществом
Стратегии устойчивого развития областей до 2025 г.	6 областей	Проект международной технической помощи «Поддержка регионального и местного развития в Республике Беларусь», ЕС
«Местные повестки-XXI» городов и районов	г. Новополоцк, г. Дисна, г. Жодино, др.	В инициативном порядке местными сообществами
Стратегии устойчивого развития районов до 2030 г.	Браславский Витебской области, Березовский Брестской области	Проект «Совершенствование местных стратегий устойчивого развития и механизмов их реализации в двух пилотных районах Беларуси на основе новой НСУР-2030», Программа поддержки Беларуси ФПГ
Концепции территориально ориентированного развития районов	118 районов	Проект международной технической помощи «Содействие местному развитию в Республике Беларусь», ЕС
Паспорта территориально ориентированного развития районов	50 пилотных районов	
Стратегии устойчивого развития до 2030 г. сельских Советов	12 пилотных территорий	Проект международной технической помощи «Расширение экономических возможностей в сельской Беларуси», ЕС и Агентство США по международному сотрудничеству

Источник: авторская разработка.

НИЭИ Министерства экономики рассмотрены возможные решения по устранению имеющегося институционального разрыва в документальной фиксации стратегических ориентиров развития регионов республики. Предложено два варианта: первый – принятие нового закона о государственном индикативном планировании социально-экономического развития Республики Беларусь; второй – внесение изменений в действующее постановление Совета Министров «О мерах по реализации Закона Республики Беларусь «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь».

В обоих вариантах предлагается закрепить обязательность разработки стратегий устойчивого развития на 10 лет как стратегических документов на уровне регионов (областей и г. Минска), а также районов и городов областного подчинения (Пинигин, Шульгина, 2017).

С точки зрения методологии разработки таких документов нерешенным (вне зависимо-

сти от принятия ЦУР) остается вопрос вертикального и горизонтального согласования приоритетов регионального развития (рис. 1). В международной практике он решается путем организации согласованного процесса разработки стратегических документов всех уровней с несколькими итерациями «снизу-вверх, сверху-вниз». Для системного применения его в Беларуси необходима отработка и нормативное закрепление порядка разработки, корректировки и согласования документов стратегического развития.

Требуется решения вопрос методологии встраивания ЦУР в региональные стратегии устойчивого развития. Обсуждение данного вопроса с экспертами других стран показывает, что в этой части все международное сообщество только ищет решения и накапливает опыт. С нашей точки зрения, возможны два варианта алгоритма процесса (рис. 2). Представляется, что первый вариант позволяет лучшим образом отразить специфику нацио-

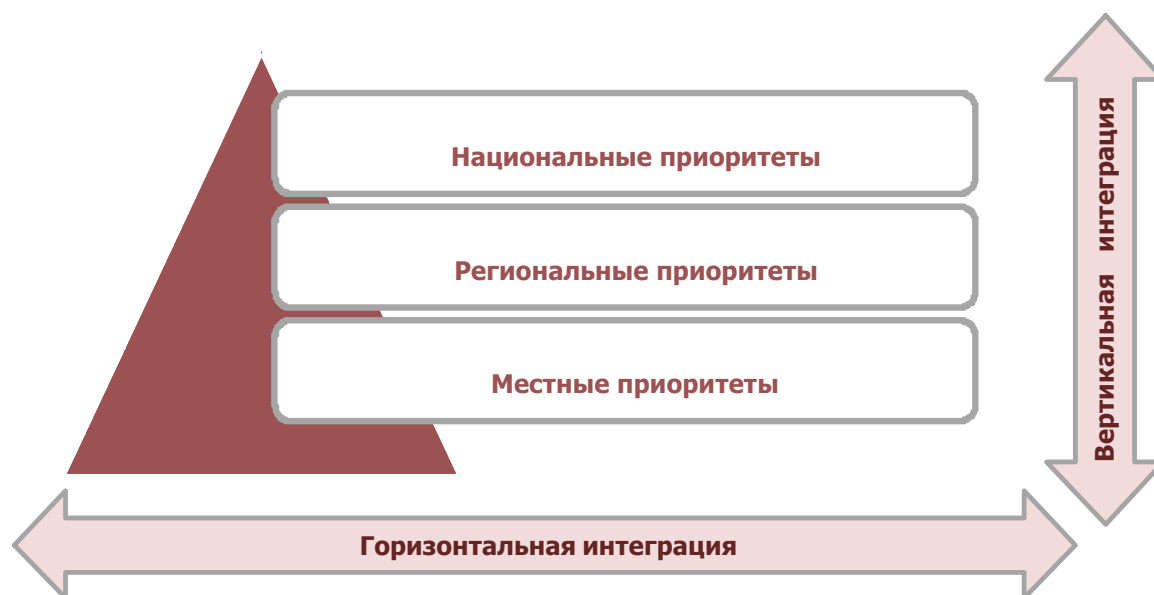

Рис. 1. Региональные приоритеты в общей системе приоритетов национального развития
 Источник: авторская разработка.

Рис. 2. Алгоритмы встраивания ЦУР в региональные стратегии устойчивого развития
 Источник: авторская разработка.

нальных и региональных приоритетов в стратегических документах развития.

В процессе разработки и реализации региональных стратегий устойчивого развития необходимо также организационно и методически обеспечить отражение комплексного характера ЦУР. С одной стороны, задачи ЦУР требуют поиска комплексных решений с участием специалистов разного профиля и пониманием системных эффектов; с другой – принятая в Беларуси структура местных исполнительных и распорядительных органов построена по принципу отраслевого, секторального разделения сфер деятельности. К тому же в составе органов местного управления и самоуправления отсутствуют структуры, выполняющие функции системного регулирования процессов устойчивого развития. Это создает определенные препятствия для получения необходимого результата.

Преодоление институционального разрыва в этом вопросе требует отработки и нормативного закрепления алгоритма взаимодействия структурных подразделений местных исполнительных и распорядительных органов, а также

групп, представляющих различные интересы местного сообщества. Нами предложена возможная схема организации процесса разработки и реализации стратегий устойчивого развития на региональном уровне, которая позволяет обеспечить его перманентный характер с вовлечением и учетом интересов всех заинтересованных сторон (рис. 3). В настоящее время благоприятные условия для построения в регионах целостной системы управления устойчивым развитием созданы благодаря формированию региональных общественных групп по устойчивому развитию при Национальном координаторе по вопросам достижения ЦУР.

Проблема нахождения комплексных решений является ключевой при реализации стратегических целей через комплекс задач на среднесрочную и краткосрочную перспективу. На уровне регионов разрабатываются программы социально-экономического развития на 5 лет, планы развития – на 1 год и 2 последующих. В этих документах вопросы экономики, экологии и социальной сферы, безусловно, находят отражение, однако ориентация на достижение устойчивого

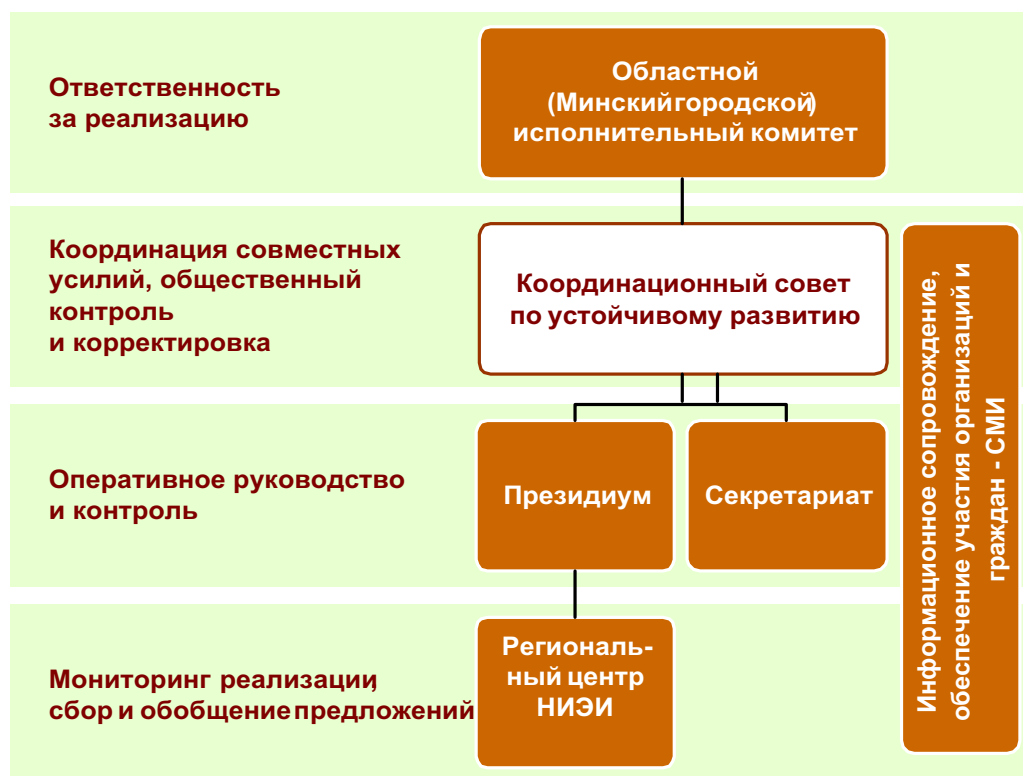

Рис. 3. Схема разработки и реализации стратегии устойчивого развития региона

Источник: авторская разработка.

развития, комплексный подход к решению этой задачи явно не фиксируются.

В 2017 г. Министерством экономики Республики Беларусь в инициативном порядке предприняты действия по устранению имеющегося пробела. В подготовленных министерством Методических рекомендациях по разработке прогнозов социально-экономического развития регионов, районов и городов областного подчинения на 2018 г. предусмотрена необходимость отражения ЦУР с подготовкой отдельного приложения по целям и показателям, актуальным для конкретной административно-территориальной единицы. За последние 15 лет это – первая попытка системного решения вопроса реализации глобальных целей в области устойчивого развития посредством общенациональных документов территориального планирования на всей территории страны.

Предложенный Министерством экономики переход к планированию развития территорий в контексте глобальных ЦУР явился для большинства специалистов на местах совершенно новым подходом, требующим иного мышления и организации процесса. Учитывая многолетнюю практику ориентации местных исполнительных и распорядительных органов на приоритетное решение вопросов социально-экономического характера, следует признать: для применения такого подхода в их деятельности недостаточно простой постановки задачи, требуется глубокая методологическая проработка и детальное методическое обеспечение. Помимо определения механизма взаимодействия структурных подразделений, необходима разработка практических инструментов, позволяющих давать оценку результатов возможных решений с позиций комплексного влияния на состояние экономической, социальной и экологической сферы.

Следует подчеркнуть: несмотря на нерешенность методологических и методических вопросов реализации ЦУР на региональном уровне посредством документов планирования, на данном этапе ценность инициативы Министерства экономики состоит в фокусировании внимания местных исполнительных и распорядительных органов всех уровней на наличие ЦУР и их актуальность для каждого админис-

тративно-территориального образования, необходимость объединения усилий для их реализации со всеми группами местного сообщества, важность принятия и реализации своей активной роли в данном процессе.

Безусловно, сложность вопросов перспективного планирования устойчивого развития территорий и неоднозначность имеющихся решений требуют по каждому из них апробации возможных подходов на практике. В связи с этим отсутствие в настоящее время в нормативной базе планирования и прогнозирования обязательного требования разработки документов устойчивого развития на региональном уровне дает уникальную возможность поиска наиболее результативного методического инструментария.

В части отражения приоритетов устойчивого развития в целевых индикаторах необходимо констатировать: системная работа по таким показателям для регионального и местного уровней в республике еще не проводилась. При этом инициативные пилотные решения многочисленны и разнообразны.

Масштабная методологическая и методическая проработка вопроса осуществлялась в рамках проекта международной технической помощи ЕС «Поддержка регионального и местного развития в Республике Беларусь» (2014–2016 гг.). В подготовленных в рамках проекта Рекомендациях по разработке региональных стратегий устойчивого развития для мониторинга их реализации предложено использовать 3 группы показателей (Вертинская, Берченко, Истомина, 2015).

Первая – индикаторы, обеспечивающие комплексную оценку изменений в устойчивом развитии региона и возможность проведения сравнительных внутривнутриреспубликанских и международных сопоставлений. Группа включает 7 показателей:

- ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет;
- ВРП на душу населения, руб.;
- денежные доходы в расчете на душу населения, руб.;
- темпы роста реальных располагаемых денежных доходов населения, %;
- рост производительности труда по ВДС, %;
- изменение энергоёмкости ВРП, %;

- антропогенная нагрузка, тун./1км² территории.

Вторая – индикаторы, определяющие пороговые значения показателей экономической, экологической, социальной безопасности. Отбор этих индикаторов строился исходя из показателей национальной безопасности, дезагрегированных на региональный уровень, а также показателей, необходимых для мониторинга специфических угроз устойчивому развитию регионов. Ниже перечисляются рекомендуемые базовые индикаторы:

в части устойчивости экономического развития –

- коэффициент опережения роста добавленной стоимости относительно ВРП;
- коэффициент опережения производительности труда относительно роста заработной платы;
- коэффициент обновления активной части основных средств, %;
- удельный вес инновационно активных организаций, %;
- удельный вес инновационной продукции в общем объеме отгруженной, %;
- количество исследователей на 10 тыс. населения, чел.;
- доля работников с высшим и средним специальным образованием в общей численности занятых, %;

в части социальной безопасности, включая ее демографическую составляющую, –

- условный коэффициент депопуляции;
- суммарный коэффициент рождаемости;
- уровень потребления алкоголя (в пересчете на 100% чистого спирта) в год, л/душу;
- доля населения с доходами ниже БПМ, %;
- соотношение располагаемых ресурсов квинтильных групп, раз;

в части экологической безопасности –

- рост объема выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных и мобильных источников, %;
- рост объема образования отходов производства, %;
- использование отходов производства к объему их образования, %;

- объем образования твердых коммунальных отходов, %;
- пестицидная нагрузка в сельскохозяйственных организациях, кг/1га пашни;
- уровень лесистости территории, %.

В третью группу вошли индикаторы контроля выполнения целей и задач по приоритетам конкретной стратегии устойчивого развития. При этом предлагается применять показатели, позволяющие осуществлять оценку реализации целей и задач по прямым и конечным результатам.

Разработка системы индикаторов строилась на следующих принципах:

- использование для обобщающих оценок основных индикаторов национальной стратегии устойчивого развития, а также показателей программы социально-экономического развития страны, действующих в соответствующем периоде стратегического планирования, с их дезагрегацией на региональный уровень;
- обеспечение возможности проведения межрегионального сравнительного анализа по основным компонентам устойчивого развития, а также включение репрезентативной информации, пригодной для международных сопоставлений;
- равноценное отражение в индикаторах возможности мониторинга экономического, социального и экологического роста с формированием системного представления о развитии территории и его тенденциях во времени;
- учет существующего статистического обеспечения, при необходимости – расширение статистической базы, но без существенного увеличения затрат для сбора информации и расчетов;
- ограничение числа индикаторов по принципу «необходимо и достаточно».

Представляется, что данные принципы сохраняют свою актуальность при решении задач индикативного обеспечения процесса устойчивого развития на современном этапе. В то же время принятие ЦУР ставит новые методологические и организационные вопросы.

Прежде всего необходимо определить целесообразность использования всех индикаторов,

принимаемых для мониторинга достижения ЦУР в целом по стране, на региональном и местном уровнях. При поиске ответа важно соизмерять, с одной стороны, информационную ценность каждого индикатора для оценки устойчивости развития внутристрановых территорий, с другой – наличие или трудоемкость организации его статистического учета.

В этом случае необходимо, по нашему мнению, учитывать, что не все ЦУР имеют равную актуальность на межстрановом, национальном, региональном, местном уровнях. Например, для регионов Беларуси вопросы гендерного равенства, равенства возможностей, ликвидации голода не имеют особой остроты. Вместе с тем некоторые аспекты ЦУР, решенные на общенациональном уровне, в межрегиональном разрезе могут быть значительно дифференцированы. К таковым относятся, например, качество водоснабжения, доступность банковских услуг, интернет-связи. Национальный контекст может определять актуальность иных специфических сфер, не отраженных в полной мере в ЦУР, однако формирующих угрозы устойчивому развитию регионов страны.

Экспертный опыт позволяет с большой степенью уверенности предположить, что для регионов Беларуси наиболее актуальны аспекты ЦУР, касающиеся уровня доходов населения, доступности для жителей благ и услуг современного качества, рациональности потребления и производства, экологосберегающего хозяйствования. В любом случае степень актуальности ЦУР для конкретной территории должно определять местное сообщество.

В связи с этим применяемая система индикаторов реализации стратегии устойчивого развития каждой конкретной административно-территориальной единицы должна обеспечивать возможность как межрегионального сопоставления и оценки вклада в достижение национальных ориентиров, так и мониторинга состояния развития по проблемам, актуальным для территории с точки зрения местного общества. Данное требование влияет на выбор подходов к разработке индикаторов ЦУР регионального уровня. И централизованный, и децентрализованный варианты имеют как достоинства, так и недостатки (табл. 2).

Наиболее рациональным видится комбинированный подход с разработкой двух групп показателей. В составе первой – общенациональные индикаторы ЦУР на региональном уровне, которые целесообразно разрабатывать одновременно с национальными. Методология разработки индикаторов данной группы может быть построена по следующему алгоритму:

шаг 1 – исходя из ЦУР выявить области, направления, по которым в Республике Беларусь имеются значительные межрегиональные и внутрирегиональные различия;

шаг 2 – оценить возможность применения на региональном уровне национальных индикаторов, существующих по этим направлениям;

шаг 3 – в случае отсутствия возможности подобрать альтернативный показатель или ввести новый, предварительно оценив трудоемкость его учета в сравнении с информационной ценностью.

Таблица 2

Подходы к разработке индикаторов ЦУР для регионального уровня

Возможные методологические подходы	Достоинства	Недостатки
Вариант 1 Разработка общенациональной системы показателей для всех уровней административно-территориальных единиц	<i>Связь с национальными индикаторами Качественная методическая проработка Возможность проведения межрегиональных сопоставлений</i>	<i>Риск недостаточного учета региональной специфики Большая трудоемкость</i>
Вариант 2 Самостоятельная проработка на уровне административно-территориальных единиц, исходя из местной специфики	<i>Отражение актуальных региональных проблем Вероятнее всего, меньшая трудоемкость</i>	<i>Отсутствие возможности проведения объективных межрегиональных сравнений Большая вероятность методических ошибок и неточностей</i>

Вторая группа – дополнительные индикаторы для конкретной административно-территориальной единицы. Они, если это требуется для отражения специфических актуальных проблем, разрабатываются самостоятельно на региональном/местном уровне при централизованном методическом сопровождении.

Принятые решения в части построения системы региональных индикаторов ЦУР определяют подходы к формированию общенациональной системы мониторинга достижения ЦУР в региональном разрезе. Для максимальной информационной открытости целесообразно предусмотреть введение регионального раздела по ЦУР на сайтах Национального статистического комитета и региональных подразделений.

Важнейшим элементом построения целостной системы управления процессом устойчивого развития и реализации ЦУР на региональном уровне является их отражение в критериях принятия управленческих и бизнес-решений. Применяемые в настоящее время для оценки эффективности деятельности местных исполнительных и распорядительных органов показатели ориентированы в большей степени на достижение экономических результатов и обеспечение экономического роста. Вследствие этого задачи устойчивого развития выпадают из поля зрения местных исполнительных и распорядительных органов, отходя на второй план.

Возможное решение может быть найдено исходя из сложившейся практики государственного управления и предусматривать включение отдельных индикаторов по ЦУР в перечень основных, определяющих результаты социально-экономического развития регионов, районов и городов; в перечень показателей эффективности работы руководителей местных исполнительных и распорядительных органов; в систему критериев оценки инвестиционных проектов.

Представляется, однако, что системное решение вопроса невозможно без создания условий для перестройки мышления руководителей субъектов хозяйствования, органов государственного управления всех уровней в направлении формирования механизма вовлечения регионального сообщества в процесс разработки стратегии устойчивого развития; создания эф-

фективной системы образования в интересах устойчивого развития; использования инструментов стимулирования «зеленой экономики» (например, включение соответствующих требований к производству и параметрам продукции при объявлении тендеров по госзакупкам; введение знаков маркировки продукции и информирование о них потребителей и др.).

Таким образом, в Республике Беларусь в настоящее время не сформирована целостная административная система управления процессом устойчивого развития. Существует институциональный разрыв между национальным, региональным и местным уровнями управления, вследствие которого декларируемые в Национальной стратегии устойчивого развития цели и задачи не трансформируются в практические действия по их реализации. Это создает препятствия для успешной реализации ЦУР.

Институциональный разрыв имеет несколько причин. В частности, принятая в стране система планирования и прогнозирования не предусматривает обязательной разработки и принятия документов долгосрочного устойчивого развития на региональном и местном уровнях.

Имеющийся на региональном и местном уровнях опыт стратегического планирования устойчивого развития носит инициативный и фрагментарный характер, не обеспечивает кардинальных изменений с построением целостной системы администрирования процесса устойчивого развития. Структура местных исполнительных и распорядительных органов построена по принципу отраслевого, секторального разделения сфер деятельности, что создает препятствия для разработки и реализации комплексных системных решений.

Не сформирована общереспубликанская система индикаторов для оценки устойчивого развития, а также достижения ЦУР на региональном и местном уровнях.

Местные исполнительные и распорядительные органы, субъекты хозяйствования в большинстве не обладают необходимой компетенцией и практическими инструментами, позволяющими принимать управленческие решения с учетом критериев устойчивого развития.

Успешная реализация ЦУР на региональном уровне предполагает построение общего меха-

низма планирования и реализации устойчивого развития регионов. Для последовательного решения этой задачи в ближайшей перспективе необходимы:

- создание постоянно действующих координационных структур по устойчивому развитию при областных, Минском городском исполнительных комитетах с разработкой необходимой юридической базы и алгоритма их деятельности;
- подготовка общенациональных методических рекомендаций по разработке и реализации региональных и местных стратегий устойчивого развития;
- введение практики поддержки территорий, проявляющих инициативу по разработке региональных и местных стратегий устойчивого развития, с приданием им юридической силы;
- формирование перечня общих региональных индикаторов ЦУР и отражение их в системе государственной статистики;
- разработка механизма и переход к практической реализации принципов согласования национальных и региональных приоритетов при разработке Национальной стра-

тегии устойчивого развития республики на период до 2035 г.

Успешность и оперативность решения этих вопросов зависит от активного и заинтересованного участия представителей органов государственного управления, бизнес-сообщества, научно-исследовательских и образовательных учреждений, общественных организаций, международных структур, неформальных объединений граждан как на национальном, так на региональном и местном уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

Вергинская Т.С., Берченко Н.Г., Истомина Л.А. и др. 2015. *Рекомендации по разработке региональных стратегий устойчивого развития в Республике Беларусь: материалы проекта международной технической помощи ЕС «Поддержка регионального и местного развития в Республике Беларусь»*. – Минск, 2015.

Пинигин В.В., Шульгина О.С. 2017. Совершенствование системы прогнозирования и планирования социально-экономического развития Республики Беларусь. *Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь*. – № 9. – С. 4–18.

Статья поступила 29.05.2018 г.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: РЕАЛИЗАЦИЯ ЦЕЛЕЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ – 2030

Гончар Е.А., Белоусов А.В., Чемердовская М.Б.,
Ланкуть Е.А., Митрофанов В.А.

Устойчивое развитие означает принятие ответственности как за нынешние, так и за будущие поколения на национальном и международном уровнях. Для обеспечения устойчивого развития в документе ООН «Преобразование нашего мира»¹ (2015) содержится призыв к парламентам, правительствам и обществу измениться и принять все необходимые меры на глобальном, региональном и национальном уровнях для решения этой проблемы.

Параграф 78 Повестки дня – 2030 предлагает государствам-членам ООН в ближайшее время разработать национальные программы или стратегии устойчивого развития. Ряд государств (Германия, Швейцария, Финляндия, Канада, Словения, Чехия, Саудовская Аравия, Сингапур, Южная Корея) уже разработали их с учетом положений Повестки дня – 2030, имеющей универсальный характер. Поскольку в 2018–2019 гг. будет осуществляться разработка Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 г., представляется целесообразным исследовать способы и подходы к разработке и реализации основных положений Повестки дня – 2030, использованные при подготовке национальных стратегических документов ведущих зарубежных стран.

Содействие устойчивому развитию является одной из важнейших задач правительства **Федеративной Республики Германия**. В 2002 г. правительство представило первую национальную стратегию устойчивого развития. С тех пор каждые четыре года разрабатываются доклады о ходе реализации стратегии, об уточнении ее содержания. Подготовка подобных докладов всегда сопровождается диалогом с группами гражданского общества. С самого начала доку-

мент включал национальные цели устойчивого развития и показатели, характеризующие процесс их достижения. Такой подход позволял реально оценивать прогресс и выявлять возможные отклонения в развитии.

Комитет статс-секретарей по устойчивому развитию, состоящий из представителей всех

ОБ АВТОРАХ

ГОНЧАР

Елена Андреевна
(elena.a.gonchar@gmail.com),
заведующий отделом сводного
средне- и долгосрочного планирования
НИЭИ Министерства экономики
Республики Беларусь
(г. Минск, Беларусь).

Сфера научных интересов:
оценка и определение перспектив
развития экономического потенциала
регионов, стратегическое
территориальное планирование,
устойчивое развитие регионов.

БЕЛОУСОВ

Андрей Владимирович (Aproit@mail.ru),
научный сотрудник отдела сводного средне- и долгосрочного
планирования НИЭИ Министерства экономики Республики
Беларусь (г. Минск, Беларусь).

Сфера научных интересов: международная экономика,
внешнеэкономические связи.

ЧЕМЕРДОВСКАЯ

Марина Борисовна
(marina-chem@yandex.ru),
научный сотрудник отдела сводного средне- и долгосрочного
планирования НИЭИ Министерства экономики Республики
Беларусь
(г. Минск, Беларусь).

Сфера научных интересов: уровень жизни населения,
устойчивое развитие экономики.

ЛАНКУТЬ

Екатерина Александровна (e.a.lankuts@mail.ru),
научный сотрудник отдела сводного средне- и долгосрочного
планирования НИЭИ Министерства экономики Республики
Беларусь (г. Минск, Беларусь).

Сфера научных интересов: энергосбережение, охрана
окружающей среды.

МИТРОФАНОВ

Владислав Александрович (vladislavmitrofanow@mail.ru),
младший научный сотрудник отдела сводного средне- и
долгосрочного планирования НИЭИ Министерства экономики
Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь).

Сфера научных интересов: проектный менеджмент,
планирование и прогнозирование.

¹ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. 2015. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15285/75/PDE/N1528575.pdf?OpenElement>.

федеральных министерств и возглавляемый главой Федеральной канцелярии, руководит осуществлением Стратегии устойчивого развития и следит за обновлением ее содержания. Комитет вносит стратегический вклад в работу правительства Германии и выступает в качестве форума для обмена информацией между различными правительственными ведомствами об их деятельности в области устойчивого развития. Парламентский консультативный Совет по устойчивому развитию осуществляет мониторинг Национальной стратегии страны и поддерживает интересы устойчивого развития в парламенте. Парламентскому консультативному совету также поручено осуществлять обязательную оценку устойчивости проводимой федеральным правительством политики².

В ходе работы над новой редакцией Стратегии Федеральное правительство сделало упор на диалог и сотрудничество. В период с 2015 по 2016 г. состоялось пять открытых конференций с участием высокопоставленных лиц Федерального правительства, федеральных земель и муниципальных образований, а также с участием многочисленных организаций гражданского общества и граждан. В главном консультативном мероприятии, состоявшемся после этого в Ведомстве Федерального канцлера, приняли участие более 40 общественных организаций.

Стратегия устойчивого развития (СУР) Германии (новая редакция 2016 г.) была принята Федеральным правительством 11 января 2017 г.³. Документ разъясняет значение устойчивого развития для политики Федерального правительства и определяет конкретные цели и меры по всем направлениям развития. СУР Германии содержит 17 национальных целей устойчивого развития, полностью соответствующих целям ООН.

Стратегия задает 63 ключевых индикатора для всех 17 целей – начиная с борьбы с бедностью, обеспечения продовольственной безопасности и здравоохранения, развития образования,

установления гендерного равенства, совершенствования правовых рамок и заканчивая защитой климата и охраной видового разнообразия, поддержанием устойчивости потребления и воздействием экономическому росту, и описывает средства, с помощью которых Федеральное правительство намерено достичь их к 2030 г. Стоит отметить, что и национальные индикаторы устойчивого развития Германии корреспондируются с индикаторами ЦУР ООН. По показателям приводятся графики с 2000 г. и указывается целевое значение в 2020 или 2030 г. В целом можно отметить, что индикаторы сопряжены преимущественно с количественными целями; к каждой из 17 ЦУР сформулирована как минимум одна задача, опирающаяся на показатели.

СУР представляет меры по осуществлению всех 17 ЦУР на трех уровнях – национальном, уровне земель и региональном. Наряду с мерами, реализация которых осуществляется в Германии, речь идет также о мерах, реализуемых страной по всему миру. Эти меры дополняются поддержкой других стран в формате двустороннего сотрудничества. Таким образом, Германия обозначила свою готовность к комплексному осуществлению Повестки дня – 2030, намеченных в ней ЦУР и принимает задачу по их достижению во всех ее аспектах как собственный вызов.

Центральным элементом СУР Германии является система управления устойчивым развитием: цели со сроками их достижения, показатели для непрерывного мониторинга, порядок регулирования и определение задач отдельных учреждений, 12 правил управления определяют общие требования к деятельности в рамках устойчивой политики⁴.

Германия, согласно результатам оценки действий стран по достижению ЦУР (Sachs et al, 2017), занимает 6 позицию в мировом рейтинге, включающем 157 стран, и имеет значение индекса 81,7 из 100 баллов. Как и любая другая страна, она сталкивается с трудностями в достижении некоторых ЦУР. Так, для нее проблематично достижение целей по ответственному

² URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/index.php?page=view&type=30022&nr=65&menu=3170>.

³ URL: https://www.bundesregierung.de/Content/EN/StatischeSeiten/Schwerpunkte/Nachhaltigkeit/Anlagen/2017-06-20-langfassung-n-en.pdf?__blob=publicationFile&v=5.

⁴ URL: https://www.bundesregierung.de/Content/EN/StatischeSeiten/Schwerpunkte/Nachhaltigkeit/Anlagen/2017-09-18-kurzpapier-n-russisch.pdf?__blob=publicationFile&v=5

потреблению и производству (ЦУР 12), сохранению морских экосистем (ЦУР 14). Однако Германии удалось достичь колоссальных успехов в ликвидации нищеты (ЦУР 1), создании инфраструктуры, содействии индустриализации, во внедрении инноваций (ЦУР 9) и обеспечении здорового образа жизни (ЦУР 3).

Следуя принципам Конференции в Рио-де-Жанейро, Федеральный совет Швейцарии в 1992 г. принял решение о разработке национальной стратегии устойчивого развития, меры которой призваны дополнить запланированные политические мероприятия на 1995–1999 гг.

Для контроля за выполнением политики в области устойчивого развития по итогам Конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 г. также был учрежден Межведомственный комитет Рио. Сейчас он носит название Межведомственный комитет по устойчивому развитию, а в его задачи входят: разработка и гармонизация политики Швейцарии в области устойчивого развития, координация деятельности государственных органов, обеспечение сотрудничества с другими государствами и международными организациями, разработка национальных стратегических документов по устойчивому развитию.

Первым подобным документом стала Стратегия устойчивого развития Швейцарии, подготовленная в 1997 г. и одобренная Федеральным советом⁵. Однако она включала недостаточное количество практических мер для дополнения уже запланированных законодательских инициатив.

Следующая стратегия 2002 г. была подготовлена в преддверии Всемирного саммита по устойчивому развитию и носила более комплексный характер. Основой для Стратегии устойчивого развития выступила новая Федеральная конституция Швейцарии 1999 г., три статьи которой были посвящены вопросам устойчивого развития⁶.

⁵ Switzerland Case Study. Analysis of National Strategies for Sustainable Development. URL: https://www.iisd.org/pdf/2004/measure_sdsip_switzerland.pdf.

⁶ Sustainable Development Strategy 2016-2019. URL: <https://www.are.admin.ch/are/en/home/sustainable-development/strategy-and-planning/sustainable-development-strategy-2016-2019.html>.

В настоящее время наиболее актуальным документом, отражающим приоритеты средне- и долгосрочной политики в области устойчивого развития в Швейцарии, является Стратегия устойчивого развития на 2016–2019 годы (Sustainable Development Strategy 2016–2019; далее – Стратегия Швейцарии).

Она была принята 27 января 2016 г. по результатам обсуждения со всеми заинтересованными сторонами, происходившего с ноября 2014 по май 2015 г. В процесс обсуждения были вовлечены представители гражданского общества, бизнеса, науки, органов государственного управления всех уровней. Результатом стало формирование долгосрочного видения устойчивого развития страны, согласованных целей по его достижению, а также набора мер для достижения среднесрочных целей развития.

Стратегия Швейцарии во многом основывается на выводах национального доклада «Outlook 2030». В нем приводятся сценарии развития страны в будущем, перечисляются определяющие тенденции и факторы, описываются основные возможности и угрозы, способные повлиять на Швейцарию и ее политику в ближайшие 10–15 лет⁷. Подобные доклады подготавливаются Группой долгосрочного планирования Федеральной администрации по поручению Федерального совета каждые 4 года и служат базой для разработки стратегических документов государства.

Помимо раскрытия национальных приоритетов, в основных положениях Стратегии Швейцарии находят отражение ЦУР, т.е. характеризуется вклад страны в достижение глобальной Повестки дня – 2030. Неотъемлемой частью Стратегии Швейцарии является План действий, содержание которого составляют 9 предметных сфер деятельности, отражающих приоритетные направления политики страны в области устойчивого развития: потребление и производство; развитие городов, мобильность и инфраструктура; энергетика и климат; природные ресурсы; экономическая и финансовая система; образование, исследования и инновации; социальное

⁷ Outlook 2030: Opportunities and risks for federal policy. URL: https://www.bk.admin.ch/dam/bk/en/dokumente/strategische-fuehrungsunterstuetzung/lageumfeldanalyse/perspektiven_2030.pdf.download.pdf/outlook_2030.pdf.

обеспечение; социальная сплоченность и гендерное равенство; здравоохранение.

Для каждой из этих сфер приводится долгосрочное видение, описываются текущие среднесрочные вызовы с вытекающими из них целями на период до 2030 г. и запланированными мероприятиями на законодательный период 2015–2019 гг.

Для мониторинга и оценки достижения целей устойчивого развития Федеральным советом Швейцарии с 2003 г. поддерживается работа информационной системы MONET, которая отслеживает выполнение 73 показателей. Первым шагом по реализации Целей устойчивого развития явилось их сопоставление с показателями из MONET. Однако взаимоувязка осуществлена с целями, а не с отдельными задачами, что позволило добиться большей гибкости и отобразить максимум по 4 показателя для каждой цели.

На данный момент набор включает 48 показателей. В ближайшее время планируется адаптировать и дополнить панель индикаторов большим числом показателей, чтобы достичь полного соответствия к 2030 г.

Ответственность за разработку стратегии так же, как и за политику в области устойчивого развития на федеральном уровне, несет Федеральный офис территориального планирования, а координацию в рамках федерального правительства осуществляет указанный выше Межведомственный комитет по устойчивому развитию. Другие федеральные офисы обязаны включать в свои ведомственные отчеты пункты о прогрессе в сфере устойчивого развития⁸.

В 2017 г. Швейцария заняла положение одного из лидеров в достижении ЦУР, расположившись на 8 позиции (Sachs et al, 2017) с индексом 81,2. Высокие значения достигнуты по ЦУР 1 и 7, относительное отставание отмечено по 12 и 13 целям.

Сопоставление ЦУР со сферами деятельности и целями из Плана действий позволяет говорить о приоритетности следующих целей устойчивого развития:

- содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях (цель 16);
- сокращение неравенства внутри стран и между ними (цель 10);
- обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов (цель 11).

Как видно, Швейцария явно не намерена сократить отставание, в соответствии с профилем страны, отраженным в докладе по достижению ЦУР (Sachs et al, 2017), но в большей мере указывает на те сферы, которые население, власти и бизнес видят в ряду наиболее актуальных и отвечающих их интересам и запросам на среднесрочную перспективу.

Как указывается в национальном докладе, предоставленном для ознакомления Политическому форуму высокого уровня, Швейцария неуклонно следует выполнению своих обязательств по достижению ЦУР. Дальнейшие шаги будут также направлены на более полное включение Целей в национальное законодательство с учетом интересов государства, граждан и частного сектора и реализацией политических мероприятий на уровне общин, кантонов и страны в целом.

В Финляндии национальные стратегии устойчивого развития принимались еще с середины 1990-х годов («На пути к устойчивому выбору», «Национально и глобально устойчивая Финляндия»). Последняя стратегия устойчивого развития – «Финляндия, которую мы хотим к 2050 году. Приверженность общества устойчивому развитию»⁹ была принята в декабре 2013 г. и обновлена в апреле 2016 г. в соответствии с Повесткой дня – 2030. Данный документ является одним из ключевых инструментов реализации Повестки дня – 2030 в Финляндии.

⁹ The Finland we want by 2050 - Society's Commitment to Sustainable Development. URL: http://kestavakehitys.fi/documents/2167391/2186383/FINAL+Kest%C3%A4v%C3%A4n+kehityksen+yhteiskuntasitoumus+20+4+2016_eng-GBs_Final+-+kielenhuolto_EN_rev+%282%29.pdf/e057e638-507e-464c-a3dd-d3f0826f8950.

⁸ Switzerland's initial steps towards the implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/10617Full%20Report%20HLPF%202016_Switzerland_EN%20fin.pdf.

Работа по обновлению данной стратегии была проведена членами национальной комиссии при широком участии группы экспертов и координационной сети между министерствами, гражданским обществом, академическими кругами, частным сектором и местным самоуправлением.

«Финляндия, которую мы хотим к 2050 году» – это долгосрочный документ, одна из задач которого состоит в продвижении целей и принципов устойчивого развития в правительственные программы, обзоры правительства и проекты бюджета. В свою очередь административные структуры будут внедрять и реализовывать Повестку дня – 2030 посредством осуществления целого ряда отраслевых стратегий, программ и комплекса мер.

Однако «Финляндия, которую мы хотим к 2050 году» не является привычной правительственной стратегией, а представляет собой видение того, какой хотят видеть страну ее граждане в 2050 г. Чтобы сделать видение реальностью, Финляндия должна сосредоточиться на достижении восьми целей: равные возможности для благополучия; общество для всех; устойчивая работа; устойчивое общество и местные сообщества; «углерод-нейтральное» общество; ресурсоэффективная экономика; образ жизни, уважающий восстанавливающую способность природы; принятие решений, уважающих природу. В контексте обозначенных целей устойчивое развитие воспринимается с точки зрения благосостояния людей и окружающей среды, здоровой и устойчивой экономики, поощрения устойчивого образа жизни.

Это обновленное «видение» достаточно полно соответствует Повестке дня – 2030. Восемь целей Обязательства включают все 17 ЦУР. Например, в цели «равные возможности для благополучия» национальной стратегии широко внедрены 4 и 10 ЦУР Повестки дня – 2030, а также в меньшей степени – цели 1, 2, 3, 5, 8, 16, 17. Некоторые из обязательств звучат следующим образом:

- всем членам общества будут гарантированы равные перспективы с точки зрения здоровья, образования и занятости;

- существующие ресурсы будут использоваться для сокращения неравенства и обеспечения лучшего качества жизни;
- мы поощряем гендерное равенство и равенство между поколениями;
- мы уменьшим неравенство и нищету, обеспечив достаточный уровень доходов и базовое социальное сопровождение.

Для измерения достижения восьми целей были разработаны национальные индикаторы устойчивого развития. В настоящее время их насчитывается 105. Они сгруппированы по 12 темам и размещены в одной базе данных, называемой «Findicator»¹⁰. Помимо предоставления пользователям актуальной информации, система обеспечивает ссылки на более крупные источники информации и международные справочные данные. Например, пользователь, находящийся на странице «Генерация отходов» данного сайта, также сможет просматривать таблицы Евростат, показывающие отличие Финляндии от других стран Европейского союза с точки зрения использования полигонов сжигания и компостирования.

Из комплекса индикаторов Повестки дня – 2030, по мнению Национальной комиссии по устойчивому развитию Финляндии, для мониторинга на данный момент доступны около одной трети показателей, еще одна треть может быть разработана, а оставшаяся треть – это показатели, которые не имеют установленного метода измерения. В связи с этим канцелярия премьер-министра и Национальная комиссия отобрали индикаторы, по которым будет отслеживаться прогресс в достижении целей устойчивого развития страны. Индикаторы рассматривались с позиций доступности и удобства использования. В 2017 г. этот набор состоял из 10 пакетов, каждый из которых включал 4–5 индикаторов¹¹. В настоящее время в данном наборе 43 индикатора.

Существующие наборы показателей устойчивого развития (индикаторы для мониторинга национальной стратегии и индикаторы для мониторинга ЦУР) будут обновляться под руковод-

¹⁰ Findikaattori. URL: www.findikaattori.fi/en/kestavakehitys.

¹¹ Сайт по устойчивому развитию Финляндии. URL: <http://kestavakehitys.fi/tietoa-seurannasta>.

ством канцелярии премьер-министра с тем, чтобы они соответствовали последующим требованиям приверженности общества устойчивому развитию и национальному осуществлению Повестки дня – 2030.

Что касается прогресса по достижению целей устойчивого развития, то по многим показателям Финляндия занимает очень высокие места. По данным исследования (Sachs et al, 2017), эффективность исполнения ЦУР составляет 84%, страна занимает 3 место из 157. Сильными сторонами развития Финляндии можно назвать систему образования и связанные с ней компетенции, а также общую стабильность социальной системы страны. Главные проблемы Финляндии – борьба с изменением климата и чрезмерным использованием природных ресурсов, а также содействие экономическому развитию и занятости.

ЦУР в Финляндии реализуются двумя способами. Первый – через обязательства общества, т.е. компании, корпорации, образовательные учреждения, администрация, политические партии, города и другие субъекты могут выполнять свои собственные конкретные оперативные обязательства в целях содействия достижению общих целей.

Второй способ – план действий правительства по достижению целей, представленный в Докладе правительства Финляндии о реализации Повестки дня – 2030¹² в начале 2017 г. План содержит описание первых этапов реализации – планирование наиболее срочных мер, методов и инструментов реализации; система руководства, мониторинга и оценки; описание групп вовлеченных участников. По этому плану был проведен широкий раунд парламентских слушаний, несколько парламентских комитетов обсудили его и попросили письменные и устные комментарии от разных слоев общества. Согласно данному плану, реализация Повестки дня – 2030 в Финляндии основывается на двух направлениях: нейтральная по отношению к углероду и ресурсоемкая, недискриминационная, равная и компетен-

тная страна. Эти области более всего нуждаются в улучшении, и в то же время именно они предоставляют возможности для поддержки и содействия устойчивому развитию за рубежом.

В настоящее время главная ответственность за координацию работы по устойчивому развитию лежит на канцелярии премьер-министра. Ключевой орган в этой работе – Национальная комиссия по устойчивому развитию под председательством премьер-министра. Группа экспертов по устойчивому развитию, организованная Финским инновационным фондом Sitra, выступает в качестве органа поддержки, давая отзывы и осуществляя обратную связь. Интеграция ЦУР в национальную политику Финляндии проходит с участием представителей всех министерств, парламента, бизнеса, профсоюзов, гражданских, муниципальных, экологических и общественных организаций, церкви и научно-исследовательских институтов.

Прогресс в области устойчивого развития будет ежегодно отражаться в годовом отчете правительства. С весны 2017 г. каждая ветвь власти обязана представлять для годового отчета правительства описание шагов, предпринятых в течение года для содействия устойчивому развитию в рамках своей компетенции. На основе этих данных правительство предоставит годовой отчет о прогрессе, достигнутом в области устойчивого развития и осуществлении Повестки дня – 2030.

Всесторонняя и независимая оценка политики устойчивого развития Финляндии и национального осуществления Повестки дня – 2030 будет проводиться каждые четыре года, начиная с 2019 г. При подготовке доклада будет использоваться опыт существующих комитетов и групп, а также будут изучены возможности для более широких консультаций с общественностью.

Канада также одной из первых стран в мире стала реализовывать национальную стратегию устойчивого развития. В 1990 г. в стране был принят «Зеленый план Канады», содержащий более 100 научно обоснованных инициатив, согласованных в ходе общественных консультаций. Инициативы включали следующие сферы: чистый воздух, вода и земля; устойчивое потребление возобновляемых ресурсов (леса, сельское

¹² Government Report on the implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development. 2017. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/1519VNK_J1117_Government_Report_2030Agenda_KANSILLA_netti.pdf

хозяйство, рыбный промысел); специальные пространства и виды; Арктика; глобальная экологическая безопасность; устойчивое принятие решений; устойчивость собственных домов; готовность к чрезвычайным ситуациям¹³.

Формально концепция устойчивого развития в Канаде берет начало в 1995 г., когда был принят указ, обязывающий федеральные департаменты создавать свои подобные стратегии. В том же году был создан отдел, обязанный проводить мониторинг работы департаментов на предмет выполнения ими поставленных задач.

Стратегии устойчивого развития имеет каждое канадское федеральное ведомство, отраслевые стратегии координирует министерство окружающей среды, которое ответственно и за разработку национальной стратегии.

Федеральное правительство, правительства провинций и территорий имеют консультативные органы – круглые столы по вопросам охраны окружающей среды и экономическому развитию. Каждый из них объединяет в своем составе представителей правительства, бизнеса, профсоюзов, образовательных учреждений, экологических групп и коренного населения.

В феврале 2016 г. была разработана стратегия устойчивого развития Канады на 2016–2019 гг.: *Achieving a sustainable future – a federal sustainable development strategy for Canada 2016–2019*¹⁴, которая включает цели устойчивого развития, изложенные в Повестке дня – 2030.

В 2016–2019 гг. внимание будет сосредоточено на достижении 13 долгосрочных целей, которые составляют канадское видение глобальных ЦУР с учетом интересов и аспектов развития страны. Цели Канады совпадают с 17 ЦУР ООН в части: содействия экономическому росту, контроля за водными ресурсами и рациональностью их использования (в том числе сохранение океанов и морских ресурсов), обеспечения недорогой энергией, обеспечения безопасности и жизнестойкости городов, при-

нятия мер по борьбе с изменением климата и его последствиями, укрепления и активизации механизмов глобального партнерства в интересах устойчивого развития.

В настоящее время Канада использует общую концепцию «устойчивого развития» для всей страны, которая хоть и схожа в своих положениях с Повесткой дня – 2030, однако имеет ряд отличий. Так, в стратегии Канады сделан акцент на экологической составляющей концепции, поскольку именно экология является для нее наиболее значимой сферой. Более того, в первых стратегиях нет упоминаний о развитии демократии или о борьбе с мировой бедностью, которым отведено значимое место в Повестке дня – 2030. Однако цели устойчивого развития Канады частично взаимосвязаны с ЦУР ООН и являются национальным видением данных целей.

Для достижения намеченных в стратегии целей будут привлечены как государственные ресурсы, так и средства в рамках государственно-частного партнерства. Одна из особенностей канадской стратегии – вовлеченность в процесс простых жителей, для которых в каждом разделе даются рекомендации по обеспечению устойчивости собственного быта.

По данным исследования (Sachs et al, 2017), Канада находится на 17 месте из 157 (индекс – 78,0) в рейтинге выполнения ЦУР. Канада уже достигла ЦУР 4 по обеспечению всеобщего и справедливого качественного образования. Заметен прогресс страны и в достижении следующих целей: 3 – обеспечение здорового образа жизни; 6 – рациональное использование водных ресурсов; 16 – построение миролюбивых и открытых обществ и 8 – содействие экономическому росту и производительной занятости.

Первая стратегия устойчивого развития **Словении** на 2005–2013 гг.¹⁵ была принята правительством Республики Словения в июне 2005 г. В ней основным принципом определено обеспечение устойчивости как основного критерия качества во всех областях развития. Стратегия включала цели по повышению уровня экономического развития, улучшению качества жизни и

¹³ Canada's Green Plan In Brief. URL: <http://www.gulfofmaine.org/resources/gomc-library/CA%20green%20plan%20in%20brief.pdf>

¹⁴ URL: http://www.fsds-sfdd.ca/downloads/FSDS_2016-2019_Final.pdf.

¹⁵ Strategija razvoja Slovenije. 2005. URL: http://www.umar.gov.si/fileadmin/user_upload/projekti/02_StrategijarazvojaSlovenije.pdf.

благополучия каждого человека, разработку образа страны в мире через развитие ее характерных особенностей, культурной самобытности и активное участие в международных процессах.

7 декабря 2017 г. правительство приняло Стратегию развития Словении – 2030¹⁶ – основной документ развития страны, ставящий качество жизни человека на первый план. Стратегия определяет новые долгосрочные основы развития Словении с учетом интеграции 17 ЦУР ООН.

Пять стратегических направлений деятельности по достижению главной цели включают: инклюзивное, здоровое, безопасное и ответственное общество; высокопроизводительная экономика, которая создает добавленную стоимость для всех; обучение для жизни и в течение всей жизни; хорошо сохранившаяся природная среда; высокий уровень сотрудничества, компетентности и эффективности управления. Стратегические направления будут реализованы посредством 12 подцелей в области развития: здоровая и активная жизнь, знания и навыки для высокого качества жизни и деятельности; достойная жизнь для всех; культура и язык как основные факторы национальной идентичности; экономическая стабильность; конкурентоспособный и социально ответственный предпринимательский и исследовательский сектор; инклюзивный рынок труда и высококачественные рабочие места; низкоуглеродная циркулярная экономика; устойчивое управление природными ресурсами; надежная правовая система; безопасная и глобально ответственная Словения; эффективное управление и высококачественная государственная служба. Каждая из приведенных подцелей связана с ЦУР ООН, изложенными в Повестке дня – 2030.

Для подцелей определены ключевые направления деятельности и показатели эффективности. Приводятся шесть основных показателей, которые будут использоваться для мониторинга достижения стратегических ориентиров: продолжительность здоровой жизни; средний балл по математике, чтению и науке Программы меж-

дународной оценки студентов; люди, подверженные риску социального отчуждения; ВВП на душу населения по ППС; уровень безработицы; доля возобновляемой энергии в общем количестве потребленной энергии.

Для Стратегии развития Словении – 2030 характерно опосредованное соответствие Повестке дня – 2030. Страна в значительной степени ориентируется на политику обеспечения устойчивого развития, проводимую Европейским союзом.

Разработка Стратегии развития Словении – 2030 заняла примерно полтора года – ее обсуждение началось летом 2016 г. В июне 2016 г. было проведено девять тематических заседаний по отдельным темам, в которых приняли участие более 200 экспертов и государственных служащих. В сентябре 2016 г. был проведен семинар для обсуждения первого возможного набора показателей для мониторинга стратегии. На основе дискуссий экспертами по вопросам развития в сотрудничестве с Министерством финансов и Управлением макроэкономического анализа и развития был подготовлен первый проект Стратегии развития Словении – 2030. В декабре 2016 г. и январе 2017 г. все компетентные ведомства высказали свои замечания и предложения по представленному документу. В январе 2017 г. на уровне ключевых государственных чиновников проводилась интерактивная консультация.

По результатам обсуждений и полученных замечаний от департаментов был подготовлен второй проект Стратегии развития Словении – 2030. В 2017 г. проект был направлен всем государственным органам в целях определения целевых значений для ключевых показателей. После всестороннего анализа стратегии с целевыми показателями 22 сентября 2017 г. вышел в свет и был рассмотрен постоянной межведомственной рабочей группой по планированию развития третий проект.

Общественные обсуждения по проекту Стратегии развития Словении до 2030 г. проведены в период с 12 октября по 9 ноября 2017 г. После них межведомственная рабочая группа по планированию развития приняла проект Стратегии с некоторыми дополнительными изменениями 7 декабря 2017 г.

¹⁶ Strategija razvoja Slovenije 2030. 2017. URL: http://www.svrk.gov.si/fileadmin/svrk.gov.si/pageuploads/Strategija_razvoja_Slovenije/Strategija_razvoja_Slovenije_2030.pdf

Основной платформой реализации Повестки дня – 2030 в Чешской Республике служит национальная стратегия устойчивого развития «Чешская Республика 2030»¹⁷, принятая 19 апреля 2017 г. Исторически первая Стратегия устойчивого развития Чешской Республики, принятая в декабре 2004 г., стала результатом выполнения международных обязательств, взятых Чешской Республикой в связи с ее членством в ЕС, ОЭСР и ООН. В январе 2010 г. правительство приняло обновленную Стратегию устойчивого развития под названием «Стратегические рамки устойчивого развития в Чешской Республике». Ее разработка основывалась на предыдущей стратегии и велась в сотрудничестве с экспертами и заинтересованными сторонами. Помимо всех министерств, в работе принимали участие более трехсот учреждений и организаций, которые представили свои предложения и отзывы на разных этапах ее подготовки.

Процесс реализации целей Повестки дня – 2030 в Чешской Республике на национальном уровне возглавляется Департаментом по устойчивому развитию. Правительственный совет по устойчивому развитию (GCSO) под председательством премьер-министра выполняет консультативные, координирующие и контролирующие функции. В работе также принимают участие 9 тематических комитетов, состоящих из представителей всех министерств, неправительственных организаций, членов парламента, муниципалитетов, промышленности, сельского хозяйства, профсоюзов, научно-исследовательского и академического общества и других заинтересованных сторон. Один из комитетов, возглавляемый Чешским статистическим управлением, занимается разработкой и мониторингом индикаторов устойчивого развития¹⁸.

«Чешская Республика 2030» представляет собой стратегический документ, определяющий долгосрочные приоритеты развития страны, которые помогут улучшить качество жизни в республике для нынешнего и будущих поколений,

¹⁷ Strategicky ramec Ceska republika 2017. URL: <https://www.cr2030.cz/>.

¹⁸ Интернет-портал Правительства Чешской республики. URL: <https://www.vlada.cz/cz/ppov/udrzitelny-rozvoj/vyboru-rvur/seznam-vyboru-rvur-a-popis-jejich-cinnosti-126690/>.

направить страну на развитие, которое будет социально, экономически и экологически устойчивым. В документе представлены шесть ключевых областей развития – люди и общество, экономическая модель, устойчивые экосистемы, регионы и муниципалитеты, глобальное развитие и надлежащее управление, дан анализ сильных и слабых сторон развития, рисков и возможностей. В «Чешской Республике 2030» определены 97 стратегических целей, которые должны быть достигнуты к 2030 г., а также разработаны 192 индикатора. Этот документ будет служить основой для секторальных, региональных и местных стратегий.

97 стратегических целей «Чешской Республики 2030» были разработаны в соответствии с целями Повестки дня – 2030, но с учетом национальных интересов страны и специфических особенностей чешской экономики. В документе охвачены 16 ЦУР из 17, 14 цель устойчивого развития не рассматривалась в связи с отсутствием выхода страны к морю и океану. В самой стратегии по каждой ключевой области развития приводится соответствие с ЦУР. Например, ключевая область «Люди и общество» охватывает 1, 3, 4, 5, 8 и 10 цели из Повестки дня – 2030. Некоторые из целей этой области сформулированы следующим образом:

- социально-экономические условия способствуют благополучию семей. Они ориентированы на финансовую безопасность семей, а также на услуги по уходу за детьми и пожилыми людьми;
- особое внимание уделяется семьям с особыми потребностями. Применяются целенаправленные меры, способствующие равному доступу к образованию и инклюзии членов этих семей на рынке труда и в обществе;
- технологическое и социальное развитие расширяет доступ к достойному труду;
- сокращается гендерное неравенство.

Исходя из этого можно сделать вывод, что уровень сопряженности «Чешской Республики 2030» с Повесткой дня – 2030 достаточно высокий, но полного соответствия нет.

Что касается индикаторов, то в стратегии «Чешская Республика 2030» максимально

использованы индикаторы из предыдущей стратегии «Стратегические рамки устойчивого развития в Чешской Республике», так как по ним имеется достаточная статистическая информация. Однако из-за новаторского характера некоторых целей были включены новые экспериментальные индикаторы. Экспериментальные индикаторы еще не полностью разработаны и будут дорабатываться в дальнейшем, а в самом документе они выделены. В связи с этим пакет национальных показателей следует понимать как «живой» документ, который отражает идею о том, что должно быть измерено с позиций долгосрочных целей Чехии-2030. Следует отметить, что стратегия будет пересматриваться как минимум один раз каждые 5 лет.

Если рассматривать прогресс по достижению ЦУР, то Чешская Республика находится на достаточно высоком уровне. По данным исследования (Sachs et al, 2017), уровень достижения Чешской Республикой ЦУР составляет 81,9%. По таким показателям, как сокращение масштабов нищеты и безработицы, борьба с инфекционными заболеваниями, значения уже приближаются к целевым уровням 2030 г., а по сохранению биоразнообразия и созданию благоприятных условий для наземных экосистем особенно близок к упомянутому уровню. Однако гендерное равенство, немедицинские детерминанты здоровья (выбросы опасных веществ, употребление алкоголя и табака), а также качество доходов, возможности обучения на протяжении всей жизни все еще далеки от значений 2030 г. И хотя ни одна из ЦУР в Чешской Республике не выполнена полностью, каждая цель содержит показатели, которые можно рассматривать как достигнутый прогресс.

Мониторинг национальной стратегии будет проводиться каждые два года. Выполнение принципов устойчивого развития и прогресс в достижении 97 национальных стратегических целей и соответствующего набора из 192 индикаторов будут отражены в аналитическом докладе «Отчет о качестве жизни и ее устойчивости». Сбор данных и подготовка показателей обеспечиваются комитетами Правительственного совета по устойчивому развитию. Проект Отчета, основанный на этих данных, разрабатывается Управле-

нием по устойчивому развитию канцелярии правительства и утверждается Советом. Во время подготовки Отчета некоммерческим и частным секторам, не представленным в Совете правительства по устойчивому развитию, будет предложено подготовить альтернативный отчет.

Ответственность по соотнесению глобального набора из 244 показателей, разработанных Межучрежденческой группой экспертов, с соответствующими показателями на национальном уровне возложена на Чешское статистическое управление и отражается в Национальном докладе об осуществлении Повестки дня для устойчивого развития 2030 года.

Принятие концепции устойчивого развития в **Королевстве Саудовская Аравия** началось с одобрения в декабре 1994 г. правительством страны Повестки дня на XXI век¹⁹. В дальнейшем принципы устойчивого развития были отражены в седьмом и восьмом пятилетних планах развития, а также стали частью многих государственных отраслевых программ и стратегий. Среди наиболее общих целей данных документов можно выделить следующие: борьба с загрязнением окружающей среды и опустыниванием, сохранение биоразнообразия, рациональное использование водных ресурсов и эффективное управление прибрежными территориями, удовлетворение материальных, культурных и духовных потребностей населения в дополнение к улучшению здоровья и качества жизни.

Кроме того, Саудовская Аравия присоединилась к следующим международным конвенциям в области окружающей среды в рамках Седьмого пятилетнего плана развития: Рамочной конвенции ООН об изменении климата; к дополнению Киотского протокола; Конвенции ООН о биологическом разнообразии и Конвенции ООН по борьбе с опустыниванием.

В настоящее время определяет цели и направления долгосрочного устойчивого социально-экономического развития в стране Стратегия Саудовской Аравии 2030 (Saudi Vision 2030;

¹⁹ An overview of sustainability in Saudi Arabia. URL: <https://dspace.lboro.ac.uk/dspace-jspui/bitstream/2134/26241/1/C124%20A1-Yami%20%282006%29%20An%20overview%20of%20sustainability%20in%20Saudi%20Arabia.pdf>.

далее – ССА-2030), принятая в 2016 г. Контроль за ее реализацией возложен на Национальный центр оценки эффективности, специальную Рабочую группу и Отдел по управлению проектами Совета по экономическим вопросам и вопросам развития.

Содержание ССА-2030 во многом обусловлено следующими двумя факторами²⁰:

- резким падением цен на нефть в 2014 г., еще раз напомнившим о сверхвысокой концентрации экономики, и необходимостью предотвращения негативных эффектов возможных подобных угроз в будущем;
- необходимостью учитывать потребности и запросы следующего поколения саудовцев (сегодня почти половину населения страны составляют граждане моложе 25 лет).

Стратегия выстроена вокруг 9 подразделов, сгруппированных в три ключевых блока: «Энергичное общество», «Процветающая экономика» и «Амбициозная нация». В каждом из подразделов определены цели, меры, показатели, а также обязательства, которые берет на себя правительство Саудовской Аравии²¹.

В целом к 2030 г. власти Королевства планируют:

- сохранить за собой и укрепить статус культурно-религиозного центра мусульманского мира;
- повысить доходы населения, продолжительность и качество его жизни, снизить диспропорции на рынке труда, повышать человеческий капитал и привлекать лучшие умы из-за рубежа;
- добиться роста экономики, чтобы войти в число 15 мировых лидеров по объему ВВП, увеличить инвестиционную привлекательность, активно и эффективно проводить процессы приватизации;
- сделать более доступными и эффективными секторы здравоохранения, образования, культуры и инфраструктуры;

²⁰ Saudi Arabia: Ambitious reform processes initiated. URL: https://www.sdu.dk/-/media/files/om_sdu/centre/c_mellemoest/videncenter/artikler/2017/hvidt+article+march+2017.pdf?la=da&hash=AAC0BEFA37B912C1958467D7A79DCC5154BD6BAF.

²¹ Saudi Vision 2030. URL: <http://vision2030.gov.sa/download/file/fid/417>.

- всесторонне диверсифицировать экономику, прежде всего снизить зависимость от нефтяного сектора, нарастить производство продукции военной промышленности;
- облегчить условия ведения бизнеса, в частности, для малого и среднего предпринимательства, повысить долю частного сектора в ВВП;
- повысить эффективность государственного управления и государственных расходов, значительно продвинуться во внедрении электронного правительства.

Исходя из этого можно сделать вывод о том, что текст документа соответствует духу Повестки дня – 2030, однако носит более общий, декларативный характер; отсутствуют отсылки к Повестке, т.е. взаимосвязь документов носит опосредованный характер. Пересечение с ЦУР в наибольшей степени (по числу мер и показателей) наблюдается по целям 3, 8, 9, 11.

Следует отметить, что в тексте документа совершенно не упоминается о вкладе Саудовской Аравии в достижение целей устойчивого развития на глобальном уровне, о помощи развивающимся и наименее развитым странам. Также остается почти не затронутым экологический аспект Повестки дня – 2030 и вопросы международного сотрудничества в целях достижения ЦУР.

Одновременно с ССА–2030 в Саудовской Аравии разработана и начала реализовываться Национальная программа реформ 2020 (National Transformation Program 2020), которая призвана создать институциональную основу для достижения целей Стратегии²². В данной Программе перечислены планируемые к реализации проекты с указанием примерных объемов финансирования, основным источником которых выступит Государственный инвестиционный фонд Саудовской Аравии. Суммы финансовых средств указываются без учета вклада частного сектора. Предполагается, что каждый год они будут пересматриваться и при необходимости корректироваться.

В Программе приводятся 178 целей, 346 задач и 371 показатель, закрепленных за 24 госу-

²² Will the Saudi's 2030 Vision Raise the Public Awareness of Sustainable Practices? URL: <https://www.ierek.com/wp-content/uploads/2016/08/L.-Mostafa-M.-AISurf-full-paper.pdf>.

дарственными органами²³. Исходные значения, плановый уровень на 2020 г. и целевые региональные и международные ориентиры отражены в большей части данных показателей.

Для обеспечения открытости, подотчетности и повышения ответственности работы государственных органов предполагается создание информационной панели индикаторов для отслеживания прогресса в достижении целевых показателей. Более того, в части модели управления национальной программы реформ предполагается внедрение «методологии управления портфелем проектов» и внедрение «системы быстрого вмешательства государственных органов, если инициативы будут приостановлены». Предполагается, что до 2030 г. будут разработаны еще две подобные пятилетние программы, конкретизирующие пути реализации ССА-2030.

Помимо национальной программы реформ, существует еще 11 государственных программ, призванных подкрепить достижение целей ССА-2030. Среди них: Программа бюджетно-финансовой сбалансированности (Fiscal Balance Program), Программа приватизации (Privatization Program), Программа развития финансового сектора (Financial Sector Development Program).

Согласно отчету (Sachs et al, 2017), Саудовская Аравия занимает 101 место из 157 стран по Глобальному рейтингу достижения ЦУР с индексом 62,7. Наиболее высокие значения по выполнению показателей наблюдаются по целям 1 (борьба с бедностью) и 17 (партнерство для достижения целей); наибольшее отставание – по целям 2 (борьба с голодом), 5 (гендерное равенство), 6 (чистая вода и санитария), 11 (устойчивые города и сообщества) и 12 (рациональное потребление и производство).

Одной из проблем на пути к внедрению концепции устойчивого развития в Саудовской Аравии является недостаточная осведомленность граждан и менеджмента компаний о существующих на данный момент практиках (Hashmi et al, 2015). Для решения этой проблемы в стране был создан специальный благотворительный фонд «Saudi Green Building Forum». Его деятельность направлена на активное информирование

²³ National Transformation Program 2020. URL: http://vision2030.gov.sa/sites/default/files/NTP_En.pdf.

населения, коммерческих и некоммерческих организаций о принципах устойчивого развития для достижения целей ССА-2030 и национальной программы реформ посредством проведения регулярных семинаров, учебных занятий, информационных лекций и ежегодной конференции.

Пристальное внимание к устойчивому развитию **Республика Сингапур** начала уделять еще в 1960-ые годы, т.е. до того, как экологические проблемы были признаны глобальными. Сингапур столкнулся с высокой безработицей, неквалифицированной рабочей силой, преимущественно живущей в городских трущобах, в которых отсутствовали санитарные условия и общественная инфраструктура. С 1959 г. по 1990-ые годы, во время правления Ли Куан Ю, Сингапур, лишенный ресурсов (даже питьевую воду закупали в султанате Джохор в Малайзии), смог решить многие внутренние проблемы и совершил скачок от страны третьего мира до государства с высоким уровнем жизни.

Подход Сингапура к устойчивому развитию подкрепляется двумя факторами: прагматизмом в управлении и внедрении, а также установлением партнерских связей для наращивания потенциала. В Сингапуре проживает 5,5 млн чел. на площади 719,9 км². Несмотря на небольшие размеры, страна обладает огромным экономическим потенциалом, всеми условиями для ведения бизнеса, а также является одной из наиболее конкурентоспособных в Азии. В связи с ограниченной площадью в Сингапуре был применен интегрированный подход к городскому планированию, который помог превратить город-государство в нынешний процветающий деловой и финансовый центр. Сингапур стремится к долгосрочному экономическому росту и достигает этой цели экологически устойчивыми способами, минимизируя отходы и повышая эффективность использования ресурсов²⁴.

Стратегия «Устойчивый Сингапур»²⁵, рассчитанная на период до 2030 г., была принята в 2016 г.

²⁴ URL: https://ie.enterprisesg.gov.sg/-/media/IE-Singapore/Files/Publications/Brochures-Foreign-Companies/The-Singapore-Advantage/IE_TheSingaporeAdvantage_Russian_Jan2013.ashx.

²⁵ URL: <https://www.mewr.gov.sg/docs/default-source/module/ssb-publications/41f1d882-73f6-4a4a-964b-6c67091a0fe2.pdf>.

По своему содержанию она придерживается некоторых положений Повестки дня – 2030 косвенно, без прямых отсылок к международному документу. Также на содержание стратегии накладывается отпечаток тот факт, что Сингапур является городом-государством.

В Стратегии приводятся задачи устойчивого развития и соответствующие индикаторы. В качестве ключевых определены следующие направления: «зеленые» и «синие» пространства; мобильность; управление сообществом; ресурсная устойчивость; качество воздуха; районы, подверженные наводнениям. По каждому индикатору обозначено значение в базовом году и 2030 г., отображается процентное изменение для достижения уровня 2030 г., но не указывается взаимосвязанность с ЦУР ООН, однако она прослеживается по некоторым позициям.

Согласно докладу по достижению ЦУР (Sachs et al, 2017), Сингапур занимает 61 место из 157 стран с показателем 69 из 100 баллов. Сингапуру удалось во многом ликвидировать нищету (ЦУР 1), продвинуть на новый уровень и преуспеть в развитии здравоохранения (ЦУР 3), производительной занятости и экономического роста (ЦУР 8). Проблемными для государства остаются уменьшение неравенства (ЦУР 10), рациональное потребление и производство (ЦУР 12), борьба с изменением климата (ЦУР 13), сохранение морских экосистем (ЦУР 14).

Сингапур поддерживает Повестку дня – 2030, будучи небольшой страной с ограниченной территорией и природными ресурсами, и высоко оценивает проблемы устойчивого развития. В связи с этим страна активно участвовала в переговорах по данной проблеме и приветствовала достигнутый консенсус.

Приверженность правительства **Республики Корея** устойчивому развитию берет начало с Саммита Земли 1992 г. В 1996 г. правительство разработало Национальный план действий по осуществлению Повестки дня на XXI век, а в 2000 г. была создана Национальная комиссия по устойчивому развитию при Президенте Республики Корея, миссией которой стала подготовка первой Национальной стратегии по устойчивому развитию (НСУР) на 2006–2010 годы. Ее принятие в 2006 г. послужило стимулом к активизации

разработки корейскими органами государственного управления программ действий и мер по устойчивому развитию²⁶. Вторая НСУР на 2011–2015 годы, принятая в 2011 г., концентрировалась на тех позициях, по которым прогресс по результатам реализации первой НСУР был недостаточным. Так, больше внимания стало уделяться повышению социальной справедливости и улучшению экологической ситуации²⁷.

1 декабря 2015 г. с принятием закона об устойчивом развитии в стране была создана законодательная основа для включения Повестки дня – 2030 в национальную политику Республики Корея. В январе 2016 г. была представлена третья НСУР на 2016–2035 гг.²⁸, разработка которой осуществлялась путем консультаций с 26 правительственными министерствами и ведомствами. Главная цель Стратегии – согласованное развитие окружающей среды, общества и экономики – конкретизируется в четырех целях: здоровая окружающая среда, единое и безопасное общество, инклюзивная инновационная экономика и глобально ответственная страна. Для их достижения выработаны 50 задач и 112 индикаторов устойчивого развития, по которым можно будет оценить степень их реализации каждые пять лет. Особенностью Стратегии Республики Корея является наличие отдельной матрицы мер для 26 органов государственного управления, которая состоит из более чем ста позиций.

Сравнительный анализ целей и задач третьей НСУР Республики Корея и Целей устойчивого развития ООН позволяет судить о полном соответствии Стратегии положениям Повестки дня – 2030.

Denise Yoon (2016) определяет следующие ключевые особенности осуществления устойчивого развития страны:

²⁶ The Korean National Strategy for Sustainable Development: a background report. 2006. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/1394backgroundReport.pdf>

²⁷ 2011-2015 National Strategy for Sustainable Development, Republic of Korea. 2011. URL: http://www.me.go.kr/m/file/readDownloadFile.do?jsessionId=VyYAsTSY7XagvdLZnQKalhQGxMKeHTuxwX0McJTipZkD6xVOOUNxQrt8PPaFJgCk.meweb2vhost_servlet_engine1?fileId=26342&fileSeq=1

²⁸ URL: <http://www.me.go.kr/home/file/readDownloadFile.do?fileId=125069&fileSeq=1>

- институционализация устойчивого развития шла «снизу вверх»;
- важную роль сыграли организации гражданского общества;
- большая часть работы по устойчивому развитию была посвящена экологическим аспектам, а не социально-экономическим вопросам;
- институты устойчивого развития подчинены институтам экологической направленности;
- реализация положений устойчивого развития более динамична на местном, чем на национальном уровне.

Республика Корея уже достигла значительных результатов по достижению целей устойчивого развития. По данным исследования (Sachs et al, 2017), уровень достижения страной ЦУР составляет 75,5%, она находится на 31 месте из 157. По таким показателям, как обеспечение всеохватного, справедливого качественного образования и здорового образа жизни, значения уже приближаются к целевым уровням 2030 г. Однако вопросы гендерного равенства, сохранения морских ресурсов и экосистем суши все еще далеки от решения.

По мнению Irge Olga Aujouannet (2017), для обеспечения эффективной реализации ЦУР на национальном уровне в Республике Корея необходимо:

- усилить скоординированность планов и политики, связанных с ЦУР, для получения синергетического эффекта;
- правительству более активно сотрудничать с организациями гражданского обще-

ства, представляющими уязвимые и маргинализированные группы, а также бизнес;

- исследовать и институционализировать инновационные подходы к средствам реализации ЦУР в стране.

Выводы. Принятие Повестки дня – 2030 положило начало новому этапу устойчивого развития в мире. Документ ООН, имея универсальный характер, призывает все страны придерживаться принципов устойчивого развития, в котором сочетаются экономический прогресс, социальная интеграция и экологическая устойчивость. Страны всего мира сплотились вокруг целей, стремясь внедрить их в процессы планирования.

Реализация целей Повестки дня – 2030 осуществляется по-разному: во-первых, посредством внедрения принципов устойчивого развития в конституции стран и законодательные акты; во-вторых, их учет осуществляется при разработке национальных стратегий или программ устойчивого развития; третьим способом выступает включение положений Повестки дня – 2030 напрямую в проводимую государственную политику.

Национальные стратегии и программы по обеспечению устойчивого развития, принятые после утверждения Повестки дня – 2030, прямо или косвенно в различной степени отражают положения документа ООН (см. таблицу).

Проведенное исследование показало, что Германия, выстроив структуру своей национальной стратегии по структуре ЦУР ООН, прямо и полностью использовала цели Повестки дня – 2030.

Таблица

Степень отражения целей «Повестки дня – 2030» в национальных стратегических документах в рассматриваемых странах

Степень отражения целей «Повестки дня – 2030» в национальных стратегических документах	Наименование страны
Полное и прямое соответствие	Германия
Частичное и прямое соответствие	Швейцария, Финляндия, Канада, Словения, Чехия, Республика Корея
Опосредованный и неполный характер соответствия	Саудовская Аравия, Сингапур

Швейцария, Финляндия, Канада, Словения, Чехия и Республика Корея непосредственно внедрили многие положения Повестки дня – 2030 в национальные программы и стратегии развития, однако опирались в первую очередь на национальные интересы и внутренние проблемы.

Саудовская Аравия и Сингапур фрагментарно и опосредованно отразили в своих национальных стратегиях цели Повестки дня – 2030. Вместе с тем отметим: при реализации положений Повестки дня – 2030 страны в большей степени акцентировали внимание на самих целях, а не на трансформационных принципах Повестки дня, таких как универсальность, глобальность и права человека.

Таким образом, все принятые после разработки Повестки дня – 2030 национальные стратегические документы в той или иной степени содержат положения международного документа ООН. Это свидетельствует о намере-

нии стран гарантировать достойную жизнь для каждого человека, обеспечить возможности для экономического развития, защиты природных ресурсов и укрепления международного сотрудничества.

Литература

Denise Yoon. 2016. *Starting Strong on the SDGs in Asia: Readiness in South Korea.*

Hashmi M. Anaam, Abdulghaffar N., Edinat I. 2015. Sustainability Commitment In Saudi Arabia And Need For Educational Reforms For The Jobs Of The Future. *International Business & Economics Research Journal.* №1. P. 47–54.

Irge Olga Aujouannet. 2017. *SDG implementation in G20 countries.*

Sachs J., Schmidt-Traub G., Kroll C., Durand-Delacre D., Teksoz K. 2017. *SDG Index and Dashboards Report.* New York: Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solutions Network (SDSN).

Статья поступила 19.06.2018 г.

ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ
БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ

Иванов М.Б.

В развитии экономики Брестской области в последние годы наблюдались как периоды продолжительного спада, так и подъема. Производство ВРП за 2011–2017 гг. увеличилось в целом на 4,8%. При этом в 2011–2014 гг. высокие темпы роста ВРП сначала замедлились до 101–102%, а затем в 2015–2016 гг. наступил период рецессии. Удельный вес области в республиканском показателе снизился с 10,6% в 2010 г. до 9,5% в 2016 г.

Однако с 2016 г. тенденция снижения прекратилась, а уже в декабре 2016 г. рост ВРП области вышел в зону положительных значений. С этого времени ежемесячно фиксируется восстановительный прирост ВРП на 0,2–0,5 п.п., и в первом полугодии 2018 г. при отсутствии сколь-нибудь значимых факторов повышения мы видим продолжение высоких темпов роста ВРП в пределах 103,5–104,5% (рис. 1).

Возникает вопрос о качестве и основных факторах такого быстрого восстановления темпов роста ВРП. Будет ли он длительным по времени либо уже в нынешнем году сильно замедлится? Сможет ли область достичь установленного на

2018 г. задания в 103,6% или, несмотря на нынешние высокие темпы, оно окажется невыполненным? Дать ответ имеет смысл уже сейчас, в преддверии нового цикла планирования на 2019 г.

Наибольшее влияние на динамику ВРП в целом за исследуемый период оказывают секции обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства и транспорта, розничная торговля и строительство. Именно динамика в указанных отраслях обусловила фактические темпы роста ВРП в 2011–2017 гг.

Наибольший вклад в прирост ВРП в январе-декабре 2017 г. внесли обрабатывающая промышленность (+1,7%) (остальные секции промышленности суммарно вносят 0,2 п.п.) и транспортная деятельность (+0,6%). Существенным был также вклад сельского хозяйства (0,7%), оптовой и розничной торговли (0,5%), строительства (0,2%). Отрицательный вклад вносят прочие виды деятельности сферы услуг. Для сравнения можно привести данные за 2015 г.: обрабатывающая промышленность внесла (-1,1%); строительство (-1,6%); торговля (-0,8%); транспорт (-0,5%); сельское хозяйство (-0,4%).

Следует отметить, что полученный прирост ВРП в 2017 г. во многом объясняется допущенным спадом его производства: 2015 г. – на 4,8%, 2016 г. – на 0,7% (табл. 1).

В частности, как и ранее, продолжалось снижение добавленной стоимости практически по всей социальной сфере. Так, в сфере административных и вспомогательных услуг снижение составило 14%, финансовой и страховой деятельности – 5,6; в государственном управлении – 3,9; профессиональной, научной и технической деятельности, а также в деятельности в области творчества, спорта, развлечений и отдыха – по 3,2%.

ОБ АВТОРЕ

ИВАНОВ
Максим Борисович
(brest-niei@niei.by; brest-niei@mail.ru),
заведующий Брестским региональным
центром социально-экономических
исследований НИЭИ Министерства
экономики Республики Беларусь
(г. Брест, Беларусь).

Сфера научных интересов:
региональная экономика, проблемы
конкурентоспособности и устойчивого
развития области и ее АТЕ.

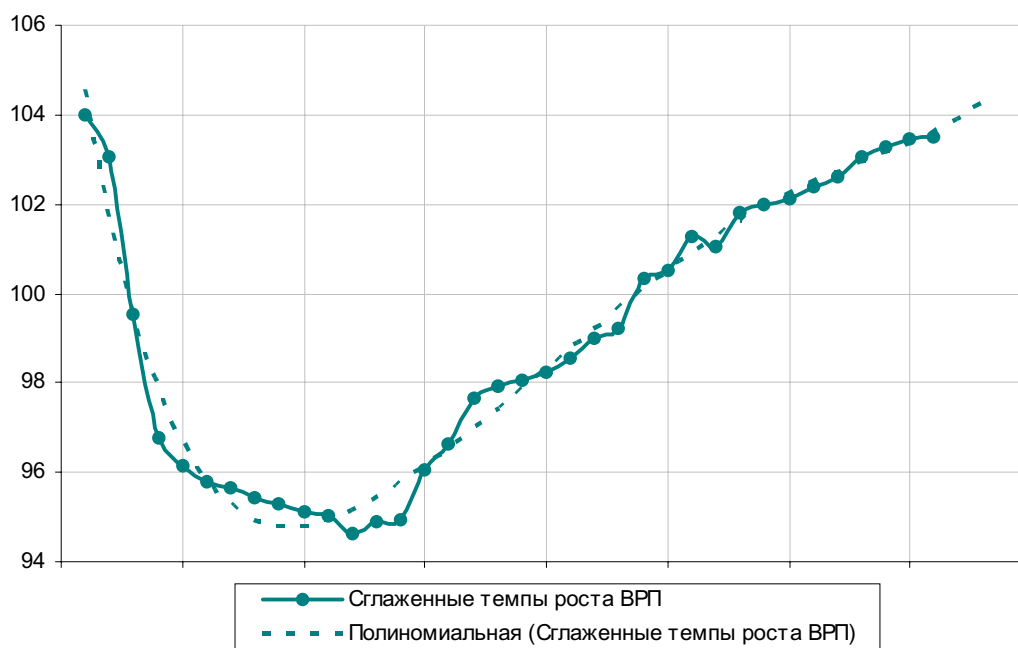

Рис. 1. Помесячная динамика ВРП Брестской области в 2015–2017 гг., %

Источник: построено по данным: Социально-экономическое развитие Брестской области в январе 2017 года; Социально-экономическое развитие Брестской области в январе 2018 года. Главное статистическое управление Брестской области. 2018.

Таблица 1

ВРП, рассчитанный производственным методом по видам экономической деятельности за 2011–2017 гг., в сопоставимых ценах

	К уровню предыдущего года, %				2017 г. к уровню указанных лет, %		
	2011	2015	2016	2017	2010	2015	2016
Всего (включая чистые налоги на продукты) по ОКЭД	102,0	95,2	99,3	103,5	104,8	102,8	103,5
Итого по видам экономической деятельности	102,0	95,2	99,3	103,5	104,8	102,8	103,5
в том числе:							
A Сельское, лесное и рыбное хозяйство	104,8	97,3	107,1	105,4	124,5	112,9	105,4
B Горнодобывающая промышленность	107,8	88,3	106,4	103,7	133,2	110,3	103,7
C Обрабатывающая промышленность	106,9	95,0	104,1	106,4	116,6	110,8	106,4
D Снабжение электроэнергией, газом, паром, горячей водой и кондиционированным воздухом	88,8	103,1	102,3	104,1	103,8	106,5	104,1
E Водоснабжение, сбор, обработка и удаление отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	99,7	94,3	93,3	102,5	97,5	95,6	102,5
F Строительство	92,7	86,6	83,0	103,4	54,8	85,8	103,4
G Оптовая и розничная торговля, ремонт автомобилей и мотоциклов	102,3	92,8	94,3	104,6	111,9	98,6	104,6
H Транспортная деятельность, складирование, почтовая и курьерская деятельность	107,1	94,2	101,7	107,3	121,7	109,1	107,3
I Услуги по временному проживанию и питанию	100,3	90,0	96,4	101,1	97,3	97,5	101,1
J Информация и связь	118,3	98,6	104,4	106,3	184,9	111,0	106,3
K Финансовая и страховая деятельность	113,7	99,4	92,3	94,4	103,0	87,1	94,4
L Операции с недвижимым имуществом	91,1	98,9	98,6	98,4	90,2	97,0	98,4
M Профессиональная, научная и техническая деятельность	100,6	104,3	97,9	96,8	68,5	94,8	96,8
N Деятельность в сфере административных и вспомогательных услуг	88,5	95,2	89,1	86,0	86,8	76,6	86,0
O Государственное управление	98,4	98,5	98,4	96,1	80,9	94,6	96,1
P Образование	99,5	99,0	99,3	99,1	90,4	98,4	99,1
Q Здравоохранение и социальные услуги	99,6	102,5	102,1	100,9	108,1	103,0	100,9
R Творчество, спорт, развлечения и отдых	90,7	100,1	98,8	96,8	96,8	95,6	96,8
S Предоставление прочих видов услуг	93,0	94,5	92,2	97,7	84,8	90,1	97,7

Источник: составлено по данным Главного статистического управления Брестской области в разрезе секций согласно ОКРБ 005-2011.

Объяснением такого снижения могут быть особенности косвенной оценки объема оказываемых услуг в этих секциях – преимущественно исходя из среднесписочной численности работников в данных видах экономической деятельности (рис. 2).

Как показано на рис. 2, расчет объема производства ВДС в секциях социальных услуг практически полностью совпадает с динамикой среднесписочной численности работников данных секций. В то же время секции услуг «Информация и связь», «Операции с недвижимым имуществом» и «Прочие виды услуг» демонстрируют более слабую связь между анализируемыми параметрами. Это обуслов-

лено тем, что в расчете темпов роста в сопоставимых ценах методом экстраполяции участвуют индексы физического объема таких показателей, как площадь жилого фонда, объем услуг в области телекоммуникаций, объем платных услуг населению, оказываемых туристическими агентствами, туроператорами, услуг по бронированию, физической культуры и спорта, по организации развлечений и отдыха и т.п., сложившихся в последнем отчетном периоде текущего года (квартал, полугодие, девять месяцев; до выхода первых отчетных данных такие индексы принимаются равными 100%) и применяемых на протяжении всего следующего отчетного периода. То есть теку-

Рис. 2. Сопоставление темпов роста среднесписочной численности работников и ВДС отдельных секций

Источник: построено по данным: Численность и заработная плата работников Брестской области за соответствующие периоды 2016 и 2017 г. Брестское статистическое управление.

щее изменение жилищного фонда никак не учитывается в I квартале отчетного года, а в последующие периоды, с лагом в несколько месяцев, – учитывается. Таким образом, темпы роста по основным секциям услуг весьма косвенно отражают реальное положение дел в описываемых видах экономической деятельности и могут не соответствовать текущим тенденциям периода.

В частности, в 2017 г. при расчете темпов роста по секции «Операции с недвижимым имуществом» в первые месяцы года отрицательная динамика была связана исключительно с уменьшением численности работников в данной секции, причем темп ввода жилья (следовательно, и изменение площади жилищного фонда) в указанные месяцы был гораздо выше 100%.

Такие особенности расчета ежемесячной оценки ВРП, как правило, не имеют значения, когда прогнозное значение выполняется. Иное дело, когда оно недовыполнено. Учитывая, что ВРП является ключевым показателем оценки эффективности работы председателя областного исполнительного комитета, такая ситуация вынуждает облисполкомы обращаться в Национальный статистический комитет и Министерство экономики с предложениями изменить методику расчета ежемесячного ВРП, исключив из него основные секции услуг, на расчет которых губернаторы повлиять не могут.

В целом же, исходя из сложившейся структуры ВРП в 2017 г., следует признать существенное снижение показателя в силу оптимизации численности работников социальных видов услуг.

Ключевым фактором ускорения роста ВРП стала обрабатывающая промышленность, в которой рост ВДС в 2017 г. составил 106,4% и по отношению к 2015 г. увеличился на 10,8%, по отношению к 2010 г. – на 16,6%.

Вклад в прирост ВРП составил 1,7% по итогам 2017 г. Наибольший вклад в ВРП в настоящее время вносят предприятия по производству продуктов питания (0,30 п.п.), электрооборудования (0,5 п.п.) (преимущественно бытовой техники), производству прочих готовых изделий; а также занимающихся ремонтом, монтажом

машин и оборудования (0,41 п.п.), производством транспортных средств и оборудования (0,16 п.п.).

Вклад доминирующей отрасли – производства продуктов питания – формируется почти наполовину производством молочных продуктов (0,13 п.п.) (табл. 2). Однако такой вклад в прирост ВРП равен вкладу мебельной промышленности и всего на 0,3 п.п. выше вклада следующих видов экономической деятельности: производство летательных аппаратов, оборудования для них и производство игр и игрушек, представленных фактически единичными предприятиями. Это свидетельствует об исчерпании резервов высоких темпов роста в доминирующей отрасли производства.

Данный рост нельзя признать качественно устойчивым по причине сложившейся структуры обрабатывающей промышленности, которая обуславливает высокую материалоемкость выпускаемой продукции, низкую величину добавленной стоимости и рентабельности продаж.

Тем не менее рост продолжается два года подряд (а с IV квартала 2016 г. превышает 5%), и если структура обрабатывающей промышленности препятствует высоким темпам роста, то обусловлено это может быть расширением спроса на существующую продукцию ключевых подсекций брестской промышленности. Поскольку в 2016 г. выпуск по секции оптовой и розничной торговли был отрицательным (94,8% к уровню 2015 г.), а в 2017 г. рост выпуска, по первой оценке, составил всего 104,9 %, то ключевое расширение спроса произошло за пределами Беларуси. Поэтому рост промышленного производства товаров сопоставим с ростом их экспорта из Брестской области (рис. 3).

Несмотря на отсутствие связи между темпами роста данных двух показателей, следует учесть, что темп роста экспорта товаров формируется на основе долларовой стоимостной оценки. Таким образом, существенное влияние оказывает изменение долларовых цен, причем в натуральном выражении экспорт товаров увеличился в гораздо меньшей степени (табл. 3).

Наибольшее увеличение объемов экспорта (как в натуральном, так и в стоимостном выражении)

**Вклад секций и подсекций обрабатывающей промышленности
в ВРП Брестской области за январь-декабрь 2017 г.¹**

Вид экономической деятельности	Доля ВДС подсекции в секции по структуре базисного года, %	Темп роста к январю-декабрю 2016 г., %	Вклад в ВРП области, п.п.
Производство продуктов питания, напитков и табачных изделий	52,8	102,2	0,30
в том числе производство молочных продуктов	19,5	102,63	0,13
Производство текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха	6,61	105,7	0,10
в том числе			
Подготовка и прядение текстильных волокон	1,04	106,7	0,02
Ткацкое производство	1,1	107,53	0,02
Производство прочих текстильных изделий, кроме одежды	1,1	100,63	0,00
Производство одежды, кроме одежды из меха	2	89,18	-0,06
Производство вязаной и трикотажной одежды	1	117,87	0,05
Производство изделий из дерева и бумаги; полиграфическая деятельность и тиражирование записанных носителей информации	2,6	109,5	0,06
Производство кокса и продуктов нефтепереработки	0,3	112,4	0,01
Производство химических продуктов	1,7	114,4	0,06
Производство основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов	0,3	121,4	0,02
Производство резиновых и пластмассовых изделий, прочих неметаллических минеральных продуктов	4,9	110	0,13
Металлургическое производство. Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	2,2	99,4	0,00
Производство вычислительной, электронной и оптической аппаратуры	0,2	96,6	0,00
Производство электрооборудования	8,8	122,1	0,50
в том числе производство бытовой техники	6,6	102,99	0,05
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	3,3	104	0,03
Производство транспортных средств и оборудования	1,8	134,3	0,16
в том числе производство летательных аппаратов, оборудования для них	0,9	143,0	0,10
Производство прочих готовых изделий; ремонт, монтаж машин и оборудования	14,6	110,8	0,41
в том числе производство мебели	6,3	108,0	0,13
производство игр и игрушек	2,8	114,03	0,10

¹ Для классов промышленных видов деятельности темпы роста рассчитаны на основании данных Главного статистического управления по Брестской области об ИФО по товарам-представителям.

Источник: составлено по данным Главного статуправления Брестской области.

отмечается по продукции, выпускаемой ключевыми подсекциями обрабатывающей промышленности. Это же справедливо и для списка крупнейших товарных позиций экспорта Брестской области в 2017 г. (табл. 4).

При этом основным рынком сбыта экспортной продукции выступает Российская Федерация (табл. 5), несмотря на то, что темпы роста поставок в эту страну заметно ниже темпов роста поставок в другие страны (особенно вне СНГ).

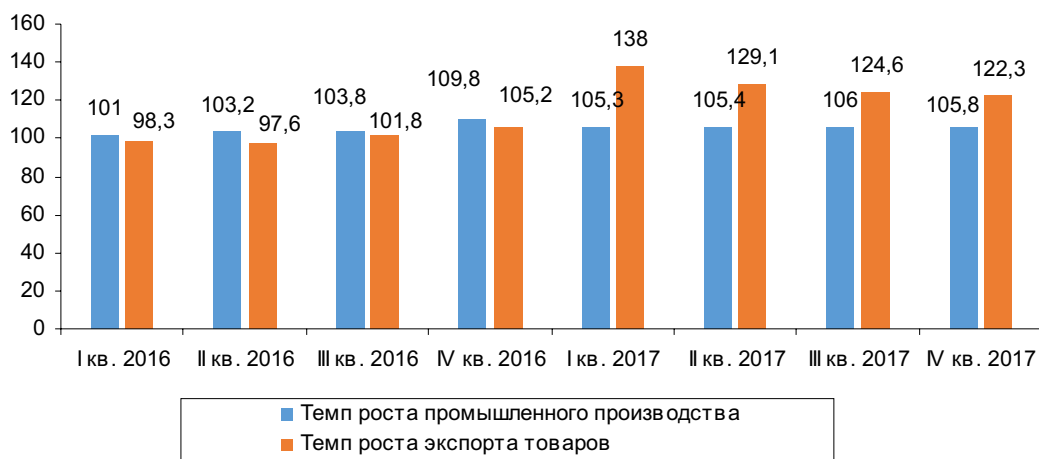

Рис. 3. Промышленное производство и экспорт товаров Брестской области в 2016–2017 гг., %

Источник: построено по данным Главного статистического управления Брестской области.

Таблица 3

Экспорт товаров, по которым произошло наиболее существенное увеличение стоимостного объема поставок

Наименование товара	Единица измерения	Январь-декабрь 2017 г.		Январь-декабрь 2017 г. к январю-декабрю 2016 г., %	
		Количество	Стоимость, тыс. долл. США	по количеству	по стоимости
Экспорт		-	2 289 540,0	-	122,3
Готовая или консервированная рыба, икра	т	39 875	149 334,7	120,7	136,6
Колбасы и аналогичные продукты из мяса	т	33 754	83 617,1	110,8	133,9
Мебель прочая и ее части	т	47 999	74 226,0	131,8	136,9
Говядина свежая или охлажденная	т	22 902	80 848,2	112,7	128,2
Бытовая аппаратура неэлектрическая	1000 шт.	787,9	93 823,4	102,6	117,5
Готовые или консервированные ракообразные, моллюски	т	5 063	27 208,3	171,1	180,8
Пахта, йогурт, кефир	т	38 174	53 929,2	99,6	127,2
Мебель для сидения и ее части	т	13 424	43 824,0	130,0	134,9
Масло рапсовое	т	18 742	14 523,1	в 3,5р.	в 3,6р.
Овощи прочие	т	10 513	24 361,3	128,7	173,9
Бытовые и прочие электронагревательные приборы, электроплиты	1000 шт.	247	41 450,3	90,2	130,9
Масло сливочное	т	10 961	63 713,1	83,4	116,8
Полиацетали и полиэфирные простые прочие, смолы эпоксидные	т	21 692	19 279,2	157,1	174,5
Молоко и сливки несгущенные	т	75 792	54 687,9	90,0	115,8
Плиты древесностружечные	1000 м ³	209,7	31 783,9	107,3	130,6
Свинец необработанный	т	10 213	23 446,0	113,8	143,5
Лесоматериалы продольно-распиленные	м ³	147 260	17 638,8	158,5	167,0
Аккумуляторы электрические	1000 шт.	514,4	26 270,2	113,8	136,0
Молочная сыворотка	т	55 738	37 254,3	111,0	122,2
Отходы, полученные при извлечении соевого масла	т	18 603	7 965,0	в 5,7р.	в 5,9р.

Источник: составлено по данным: Внешняя торговля товарами и услугами Брестской области (краткие итоги) в январе-декабре 2017 г. Главное статистическое управление Брестской области.

Таблица 4

Крупнейшие товарные позиции экспорта Брестской области за 2017 г.

Товарная позиция		Экспорт в январе-декабре 2017 г., тыс. долл. США	Цена, тыс. долл. / т	
			январь-декабрь 2016 г.	январь-декабрь 2017 г.
0406	Сыры и творог	266417,4	3,54	4,29
1604	Готовая или консервированная рыба, икра	149334,7	3,31	3,74
7321	Бытовая аппаратура неэлектрическая для приготовления пищи	93836,6	3,75	4,19
1601	Колбасы и аналогичные продукты из мяса	83617,1	2,05	2,47
0201	Говядина свежая или охлажденная	80848,2	3,11	3,53
9403	Мебель прочая и ее части	74226,0	1,49	1,55
0405	Масло сливочное	63713,1	4,16	5,79
0401	Молоко и сливки несгущенные	54687,9	0,56	0,72
0403	Пахта, йогурт, кефир	53929,2	1,10	1,41
9503	Игрушки и головоломки	52436,6	5,77	6,35
0305	Рыба сушеная, соленая, копченая переработанная другим способом	53879,8	13,06	15,72
2517	Галька, гравий, щебень	44632,4	6,31	7,23
6907	Плитка керамическая неглазурованная	44558,8	0,21	0,27
9401	Мебель для сидения и ее части	43824,0	3,15	3,27
0404	Молочная сыворотка	37254,3	0,61	0,67

Источник: составлено по данным: Внешняя торговля товарами и услугами Брестской области (краткие итоги) в январе-декабре 2017 г. Главное статистическое управление Брестской области.

Таблица 5

Экспорт товаров в 2016-2017 гг., тыс. долл. США

Период	Страны СНГ		Страны вне СНГ	Всего
	Всего	Россия		
2016	1594413,4	1454079,6	277957,5	1872370,9
2017	1908004,1	1690251,5	381535,9	2289540,0
2017 г. к 2016 г., %	119,7	116,2	137,3	122,3

Источник: составлено по данным: Внешняя торговля товарами и услугами Брестской области (краткие итоги) в январе-декабре 2017 г. Главное статистическое управление Брестской области.

Именно доминирование России среди импортеров продукции Брестской области объясняет отмеченное выше соотношение темпов роста промышленного производства и роста экспорта товаров. За последние два года курс российского рубля плавно укрепился по отношению к доллару США на 21%, что в условиях экспортных цен, номинированных в российских рублях, означает рост долларовой выручки и соответственно общий рост долларовых цен. Причем влияние на общий темп роста экспорта товаров имеет комбинированный характер: рост поставок одних товаров в натуральном выражении может сопровождаться падением их в стоимостной оценке (вследствие снижения экспортных цен) и – наоборот.

Отсюда следует вывод: в краткосрочной перспективе устойчивость роста экспорта и в целом роста промышленного производства и ВРП Брестской области будет в значительной степени определяться тенденциями и перспективами на основных товарных рынках этой страны.

На основном экспортном рынке РФ по итогам 2017 г. имели место:

- стагнация темпов роста ВВП (101,5%), что заметно ниже темпов роста потребления у домашних хозяйств (103,4%);
- темп роста в обрабатывающих производствах РФ – 100,1%. Отмечается снижение темпов роста производства пищевых продуктов в РФ со 102,4% в 1 квартале 2017 г. до 101,4% в 1 квартале 2018 г.;

- рост импорта молока и молочной продукции (в среднем на 2,5% в 2017 г.), а также импорта колбасных изделий;
- при общем росте производства офисной мебели снижение производства кухонных столов и мягкой мебели (89,2 и 98,1% соответственно).

Следовательно, экономика России приспособилась к санкционному режиму на более низком уровне социально-экономического развития, что позволило россиянам больше потреблять. При этом в условиях ограниченности дешевых финансовых ресурсов российская пищевая и иная промышленность оказалась не в состоянии отреагировать адекватным ростом спроса производством и выполнить программу импортозамещения по продуктам питания. Когда же потребовалась одномоментная замена продуктов питания из стран ЕС, оказалось, что сделать это можно преимущественно белорусскими аналогами. Совокупность данных факторов обусловила рост поставок продукции Брестской области в Россию. Дополнительным фактором послужило курсообразование российского рубля.

Однако для обеспечения высоких темпов роста (тем более для удержания их длительное время) промышленности области требуются значительные финансовые ресурсы. Следует отметить: поскольку длительное время рентабельность производства продукции и продаж в обрабатывающей промышленности колебалась в пределах 5-6%, а около половины организаций, учитываемых в общем порядке, имели в 2013–2015 гг. рентабельность в пределах 0–5%, – собственных ресурсов для этого недостаточно.

Статистика Национального банка Республики Беларусь подтверждает: ускоренными темпами растет кредитование экономики – и реального сектора, и потребительское. За 2017 г. экономике региона выдано кредитов на 3460,5 млн руб. (117,2% к уровню предыдущего года в текущих ценах), в том числе юридическим лицам – 2823,2 млн руб. (109,6%). Почти половина общего объема кредитов, выданных юридическим лицам, предоставлена предприятиям обрабатывающей промышленности – 1372,2 млн руб., или 48,6%.

За 2017 г. задолженность по кредитам банков увеличилась на 7,2% и составила 3599,1 млн руб.; задолженность по кредитам юридических лиц увеличилась на 1,9%, составив на 01.01.2018 г. 2285,6 млн руб.; задолженность по кредитам населения увеличилась на 17,9% и составила 1313,5 млн руб. Доля задолженности населения в кредитном портфеле области увеличилась с 33,2% на начало 2017 г. до 36,5% на 01.01.2018 г.

Как следствие, растет объем пролонгированной и просроченной задолженности клиентов по активам, подверженным кредитному риску, в структурных подразделениях банков за 2017 г. она увеличилась на 12% и составила 122,6 млн руб. Удельный вес проблемной задолженности по кредитам вырос на 0,2 п.п. и на 01.01.2018 г. составил 3,4% кредитного портфеля банков области. В структуре проблемной задолженности 96%, или 117,7 млн руб. составляет задолженность юридических лиц.

Существенный рост кредитования населения порожден как снижением процентной ставки Национального банка Республики Беларусь, так и увеличением общей кредитоспособности населения в силу роста заработной платы. Среднемесячная заработная плата за январь–декабрь 2017 г. в Брестской области составила 705,3 руб. и увеличилась по сравнению с 2016 г. на 13,3%, реальная – на 6,9%.

Поскольку рост реальной заработной платы выше роста производительности труда, исчисленной по ВДС, ее выплата производилась преимущественно за счет заемных средств, что также повлияло на рост объемов кредитования экономики. Рост требований банков к экономике отражается в росте ВРП по секции «Финансовая деятельность».

А что же другие значимые секции ВРП? Насколько качественный их рост?

Сельское хозяйство. В 2017 г. темп роста ВДС данной секции составил 105,4% к уровню 2016 г. (по республике – 105,6%). К 2015 г. ВДС секции увеличилась на 12,9%, к 2010 – на 24,5%.

В 2017 г. производство продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий составило в текущих ценах 3 408,7 млн руб. и увеличилось по сравнению с 2016 г. в сопоставимых ценах на 3,9%. В сельскохозяйственных организа-

циях производство продукции сельского хозяйства в текущих ценах составило 2 850,5 млн руб. и увеличилось по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года на 4,9%. Количество организаций, основным видом экономической деятельности которых является сельское хозяйство, получивших убытки по конечному финансовому результату, сократилось в 2,1 раза: с 37 организаций за 2016 г. до 18 организаций за 2017 г.

В то же время следует отметить, что не всегда достижение роста сопровождалось изменением качества производства сельскохозяйственной продукции, а рост не был повсеместным. Ключевыми проблемами сельского хозяйства являются:

- сохранение высокой просроченной задолженности. Растет кредиторская задолженность сельскохозяйственных организаций за поставленные товары (работы, услуги), по налогам и сборам, социальному страхованию и обеспечению;
- ухудшение финансового положения третьей части сельскохозяйственных организаций, находящихся в режиме санации либо антикризисного управления (процедуре досудебного оздоровления); еще 25% подобных организаций не изменили либо незначительно улучшили свое положение;
- снижение производства продукции растениеводства в районах преимущественно мелиоративного земледелия (Пинское Полесье, Ганцевичский, Ивацевичский, Ляховичский районы), уменьшение кормовой базы КРС. Как следствие – в этих же районах отмечено снижение удоев и привесов КРС;
- дефицит ресурсов на закупку минеральных удобрений, средств защиты растений, недостающих семян, ГСМ, запасных частей для сельскохозяйственной техники по причине отсутствия оборотных средств во многих хозяйствах в течение всего 2017 г., что отрицательно отражалось на своевременности проведения полевых работ и объемах производства продукции;
- несоблюдение некоторыми сельскохозяйственными организациями технологичес-

ких регламентов производства, в том числе по усовершенствованию структуры многолетних трав на пашне и лугопастбищных угодий, своевременности проведения необходимых агротехнических работ;

- неудовлетворительное освоение современных технологических средств и методов ведения сельского хозяйства.

Строительство. Темп роста ВДС по данной секции в 2017 г. составил 103,4% (что значительно выше, чем по республике в целом, – 97,6%). Секция не восстановилась до сих пор: в 2017 г. объем ВДС по данной секции уменьшился на 14,2 п.п. к уровню 2015 г. и на 45,2 п.п. к уровню 2010 г.

В 2017 г. объем строительно-монтажных работ составил 1169,9 млн руб., или 104,7% к уровню 2016 г. Вместе с тем объем подрядных работ, выполненных собственными силами организаций строительного комплекса области, за 2017 г. составил 913,2 млн руб., темп роста – 99,0% к уровню 2016 г.

Ключевой проблемой роста в данном виде экономической деятельности стало ухудшение финансовой ситуации и рост затрат в крупнейших строительных организациях отрасли. Помимо этого, в условиях увеличивающегося кассового разрыва между потребностями в финансировании строительства и доходами предприятий растет их кредитная задолженность и снижается величина ликвидных оборотных средств. Так, просроченная задолженность по кредитам и займам на 01.01.2018 г. составила 11,3 млн руб., что в 3 раза больше, чем на 01.01.2017 г. Рентабельность продаж по отрасли снизилась на 0,5 п.п. по сравнению с уровнем 2016 г., а рентабельность реализованной продукции, товаров, работ и услуг снизилась на 0,7 п.п. и составила 2,6 и 3% соответственно.

Транспорт. Темп роста ВДС секции в 2017 г. составил 107,3%, что выше республиканского значения (105,6%). По отношению к 2015 г. рост на 9,1 п.п., а по отношению к 2010 г. – на 21,7 п.п.

Несмотря на рост грузоперевозок и общий рост ВДС в данном виде деятельности, ключевые проблемы сохраняются:

- продолжается рост затрат по предприятиям, находящимся в малых и средних городах и населенных пунктах и (или) занимающимся пассажирскими перевозками;

- усиливается тенденция к трудовой миграции водителей с опытом и стажем в европейские компании, где уровень оплаты труда, социальный пакет, а также степень контроля и ответственности за нарушение установленного регламента труда и отдыха водителей гораздо выше;
- снижается количество квот разрешений на транзитные грузоперевозки для автоперевозчиков из Беларуси. Кроме того, со вступлением в полную силу новой редакции законодательства, регулирующего сферу международных автомобильных перевозок, с рынка транзитных перевозок в ЕС будут фактически устранены индивидуальные предприниматели и небольшие транспортные компании, работающие по единому налогу и УСН.
- риски введения запрета на поставку молочной продукции, введения эмбарго на поставки свинины в РФ, запрета поставок иной мясной продукции с крупных мясокомбинатов;
- девальвация российского рубля как следствие внешних санкций, так и по причине ухудшения сальдо текущего счета внешнеторговых операций из-за снижения добычи и поставок нефти на экспорт;
- наличие действующих значительных по объему квот на поставку в ряд стран ЕАЭС продукции мясо-молочной промышленности из стран ВТО.

Воздействие этих факторов способно остановить рост экспорта, что неминуемо отразится на темпах роста промышленного производства и ВРП в целом.

Важнейшим фактором устойчивого роста ВРП является производительность труда. На протяжении 2010–2017 гг. наблюдается устойчивое превышение темпов роста реальной заработной платы над темпами роста производительности труда, исчисленной по ВДС.

Только в 2011 и в 2014–2016 гг. включительно производительность труда опережала рост реальной заработной платы. В 2017 г. рост заработной платы не был обеспечен в полной мере ростом производительности труда и покрывался за счет иных ресурсов предприятий, в первую очередь кредитных. Сравнение производительности труда по ВДС со среднеевропейским уровнем затруднено в связи с особенностями европейской методики статистики труда и адекватного отражения данных.

Насколько устойчив сформировавшийся тренд роста ВРП? Позволит ли он в 2018 г. достичь запланированных 103,6% роста?

Поскольку источником роста ВРП в 2017 г. выступили преимущественно внешние для экономики Брестской области факторы благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры, увеличение объемов кредитования экономики, устойчивость роста ВРП будет во многом зависеть от факторов, противодействующих этому росту, а также сохраняющих свое влияние системных проблем в ключевых секциях ВРП. В частности, в настоящее время определились факторы, препятствующие росту экспорта:

Рост просроченной задолженности по кредитам и займам увеличивает в ближайшей перспективе затраты на обслуживание долга и ухудшает финансовое состояние предприятий, что в свою очередь снижает доступность кредитных ресурсов и повышает риски удержания высоких темпов роста. При этом остаются в силе прежние проблемы. В частности, несмотря на очевидные успехи в росте производства, конкурентоспособность многих промышленных предприятий области остается на низком уровне.

Сдерживающими факторами являются:

- образование избыточных производственных мощностей в результате технологической модернизации производств на основе ошибочных оценок рыночных перспектив реализации выпускаемой продукции;
- недостаток квалифицированных специалистов на местных предприятиях (прежде всего районных), в том числе на руководящих должностях, что выражается (судя по результатам выборочного мониторинга бизнес-планов организаций) в игнорировании конкурентов, отсутствии видения перспектив рынка и собственной организации на нем, стремлении делать продукт «не хуже» конкурентов (вместо планов их опережения);
- несоответствие применяемых методов организации и управления бизнес-процес-

сами требованиям современного рынка. Многие предприятия в своей экономической ориентации сохраняют приоритет валового выпуска продукции над экономической эффективностью, следуют доведенным показателям и слабо восприимчивы к инновациям;

- слабая мотивация промышленных предприятий к сотрудничеству с научными организациями в области разработки и внедрения в производство новых продуктов, технологий, бизнес-моделей, способных существенно повысить их конкурентоспособность и операционную прибыль.

Кроме того, сохраняет свое влияние диспаритет цен на энергоносители для производителей в Беларусь и Россию, что стимулирует перенос прежде всего энергозатратных производств за пределы республики.

В современных условиях рост промышленности должен быть обусловлен усилением инновационной составляющей, однако в 2017 г., несмотря на небольшой рост (1,2 п.п.), в Брестской области сохранился самый низкий среди других областей удельный вес отгруженной инновационной продукции – 3,3% при среднереспубликанском уровне 17,5%. Отчасти это объяснимо ограничениями возможностей инноваций в ключевых подсекциях промышленности, отчасти тем, что прочие предприятия промышленности сохраняют низкую инновационную восприимчивость и активность. Этот тезис хорошо иллюстрируется следующими данными. Инновационный фонд Брестского облисполкома сформирован в 2015 г. в сумме 5,4 млн руб., в 2016 г. – 14,4 млн руб., а фактически использован 5,1 млн руб. (93%) и 11,5 млн руб. (80%) соответственно.

Остатки средств инновационного фонда облисполкома на 01.01.2016 г. в сумме 7 973,5 тыс. руб. направлены на строительство объектов инженерной и транспортной инфраструктуры к жилым домам, на 01.01.2017 г. в сумме 3 548,9 тыс. руб. – на ремонт местных автомобильных дорог. За 2017 г. в инновационный фонд поступило 16 204,4 тыс. руб., использовано по итогам года 9 846,1 тыс. руб. (61%).

Таким образом, достигнутый рост не является устойчивым в среднесрочной и долгосрочной пер-

спективе, но он может сохраниться в течение 2018 г., в котором следует ожидать некоторого равновесия факторов, благоприятствующих и препятствующих росту ВРП. Среди них выделяются:

- существенное снижение темпов роста в животноводстве по причине сокращения поголовья свиней и незначительного снижения общей продуктивности в сравнении с итогами 2017 г.;
- сохранение высоких темпов роста в обрабатывающей промышленности;
- сохранение высоких темпов в строительстве в первом полугодии;
- снижение объемов оказываемых услуг по секциям образовательных, государственных и иных социальных видов;
- рост потребительского кредитования по мере снижения ставки рефинансирования и роста доходов населения;
- снижение объема услуг «Торговля автомобилями и запчастями к ним» по причине роста ставок утилизационного сбора в РФ;
- снижение грузооборота автомобильного транспорта по причине действия новой редакции правил автомобильных грузоперевозок, устанавливающих требования наличия подтвержденной деловой репутации у автоперевозчиков на международных маршрутах, а также ведения бухгалтерского учета на общих основаниях (план счетов, бухгалтерский баланс и т.д.), что для ИП и малых фирм, применяющих УСН, в большинстве случаев невыполнимо.

По мере ослабления внешних благоприятных факторов и роста расчетной базы темпы роста будут плавно уменьшаться до итоговых за 2018 г. 102,5 – 103,4%, что немного ниже прогнозного задания в целом на год. При этом квартальные задания, возможно, будут выполнены полностью.

В 2019 г. следует ожидать темпов роста ВРП в пределах 101,7–102,3%, а при усилении санкционной политики в отношении России и европейских стран, вводе дополнительных ограничительных мер темпы роста ВРП могут перейти в отрицательную зону.

Статья поступила 2.05.2018 г.

КРУПНЫЕ ГОРОДА КАК ОБЪЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Ковалевская А.А., Тютюков А.Н.

В Республике Беларусь активно идет процесс урбанизации, в результате которого произошла концентрация населения, производственных, научно-технических и финансовых ресурсов в крупных городах. Крупными считаются города с численностью жителей свыше 250 тыс. чел., следовательно, в Беларуси к таким городам относятся областные центры и г. Минск.

Крупные города занимают лишь 0,5% территории страны, но в них проживает 41,8% всего населения республики¹. В 2016 г. в них произведено около 39% всей промышленной продукции, получено 62,5% всей республиканской выручки; на них пришлось 52,8% республиканского товарооборота, 54,1 – экспорта и 32,8% привлеченных инвестиций. Здесь наиболее активно формируются новые формы экономической деятельности, а также общественные отношения. Например, большинство малых и совместных предприятий страны размещается именно в крупных городах.

Иными словами, в крупных городах сосредоточен основной трудовой, предпринимательский, креативный ресурс экономики страны, что предопределяет их особенность как потенциальных центров роста, способных стать катализаторами социально-экономического развития страны.

Вместе с тем итоговые показатели за 2016 г. свидетельствуют о том, что в современных условиях концентрация экономического потенциала Республики Беларусь в крупных городах не приводит к эффективному его использованию, многие качественные показатели социально-экономического развития в большинстве областных центров ниже среднереспубликанского уровня (табл. 1, 2).

Основная причина – неупорядоченное развитие хозяйственного комплекса крупных городов республики и как следствие – формирование неоптимальной структуры экономики.

Современная структура экономики крупных городов Республики Беларусь с ориентацией на сегменты традиционных услуг (оптовая торговля, недвижимость, транспорт, логистика и т.), с преобладанием в структуре производства промышленной продукции материалоемких крупных организаций (Гомель, Гродно, Могилев) или организаций легкой и пищевой промышленности (Брест, Витебск) и незначительной долей современных высокотехнологичных производств по выпуску наукоемкой продукции привела к низким темпам роста производительности труда, возник-

ОБ АВТОРАХ

КОВАЛЕВСКАЯ
Анна Антоновна,
(niei.minsk@gmail.com),
руководитель регионального центра
по г. Минску НИЭИ Министерства
экономики Республики Беларусь
(г. Минск, Беларусь).

Сфера научных интересов:
региональная экономика,
региональная политика, урбанистика.

ТЮТЮКОВ
Артем Николаевич,
научный сотрудник НИЭИ
Министерства экономики Республики
Беларусь
(г. Минск, Беларусь).

Сфера научных интересов:
демография, региональная политика и
экономика.

¹ Регионы Республики Беларусь. Социально-экономические показатели. 2017. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Т. 1. С. 64.

Таблица 1

Показатели социально-экономического развития крупных городов
Республики Беларусь, 2016 г.

	Объем промышленного производства на одного занятого, млн руб.	Доля занятых на малых предприятиях в общей численности занятых в экономике, %	Экспорт товаров на одного занятого, тыс. долл. США	Экспорт услуг на одного занятого, тыс. долл. США	Объем инвестиций в основной капитал на одного занятого, млн руб.
Республика Беларусь	185,7	14,6	5,3	2,0	42,5
г. Минск	123,5	28,3	7,6	5,1	35,2
г. Брест	216,3	21,0	5,0	1,0	32,8
г. Витебск	210,0	17,0	3,7	0,3	18,2
г. Гомель	173,9	14,1	6,4	1,4	24,1
г. Гродно	239,8	16,5	4,4	0,8	32,9
г. Могилев	195,3	15,8	5,5	0,4	22,0

Источник: составлено по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Таблица 2

Показатели эффективности функционирования экономики крупных городов
Республики Беларусь, 2016 г.

	Чистая прибыль / убыток организаций на одного занятого, млн руб.	Рентабельность продаж, %	Удельный вес убыточных организаций в их общем количестве, %	Удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной, %	Доля инвестиций на машины, оборудование, транспорт в общем объеме инвестиций, %
Республика Беларусь	14,0	7,2	24,2	16,3	35,7
г. Минск	23,6	7,9	30,7	15,0	41,9
г. Брест	16,4	5,3	24,0	0,3	36,2
г. Витебск	16,4	6,2	20,6	5,7	33,2
г. Гомель	24,7	9,2	19,8	4,9	38,5
г. Гродно	8,4	6,6	21,7	2,8	31,3
г. Могилев	10,8	5,0	20,8	6,6	38,4

Источник: составлено по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь.

новению дисбалансов между образовательным уровнем населения и требованиями рынка труда г. Минска и областных центров, между масштабом и качеством научно-инновационного потенциала крупных городов и эффективностью его использования.

Для успешной конкуренции с крупными городами других стран – лидерами постиндустриальной экономики – в подобных городах нашей страны недостаточно развиты и сконцентрированы сектора интеллектуальных деловых и финансовых услуг, отсутствуют в значимых масштабах динамичные отрасли, способные стать драйверами долгосрочного роста. При современной структуре экономики крупных городов Республики Беларусь их значительный человеческий и

экономический потенциал не конвертируется в соответствующее качество городской среды и жизни, основные городские ресурсы используются недостаточно эффективно.

С учетом изложенного важным инструментом региональной политики по отношению к крупным городам должна стать поддержка в них структурной перестройки экономики и разработка мер по увеличению эффективности использования ресурсов. Для этого целесообразно:

- создание новых высокотехнологичных предприятий путем предоставления площадок для развития бизнеса (технологических центров, технопарков), а также субсидирования их расходов на повышение квалификации работников, получение международ-

- ной сертификации продукции и бизнес-процессов за счет реализации прямых бюджетных грантов, долгосрочного государственного заказа, гибких налоговых режимов;
- приоритетное развитие инновационно-технологических кластеров;
  - использование потенциала организаций науки крупных городов для создания коммерчески выгодной для экономики высокотехнологичной, конкурентоспособной продукции на основе размещения городского заказа на исследования и разработки;
  - развитие инфраструктуры научной и инновационной деятельности, включая модернизацию информационных фондов научных библиотек, создание центров коллективного пользования и др.;
  - стимулирование подготовки кадров для работы в отраслях, относящихся к V и VI технологическим укладам (микроэлектронная промышленность, вычислительная техника, программное обеспечение, биотехнологии, наноматериалы и нанотехнологии, космическая техника) и развития видов деятельности, наиболее конкурентоспособных на территории крупных городов (финансы, деятельность, связанная с вычислительной техникой);
  - введение в постоянную практику технологического, территориального и финансового аудита на соответствие целевому использованию производственных площадок в крупных городах;
  - создание отраслевых региональных холдингов на базе непрофильных промышленных организаций крупных городов с сохранением в них головных центров и выводом за территорию производственных объектов, реализация программ редевелопмента (восстановления) освободившихся производственных территорий городов;
  - создание благоприятной институциональной среды для бизнеса, обеспечение равного доступа к производственной инфраструктуре, поддержка деятельности предпринимательских инкубаторов;
  - правовое регулирование рынка коммерческой недвижимости, в том числе с учетом интересов развития малого и среднего бизнеса в сегменте деловых и высокотехнологичных услуг;
  - обеспечение аренды и передачи неиспользуемых производственных площадей и оборудования крупных организаций государственной формы собственности для производственной деятельности инновационно активным субъектам малого и среднего предпринимательства при наличии эффективного инвестиционного проекта;
  - применение инновационных ваучеров для создания целевых контактов МСП и научных организаций;
  - разработка четких инвестиционных стратегий для крупных городов на основе эффективной специализации;
  - создание инвестиционных фондов развития и содействие проектам развития по перспективным видам деятельности;
  - активизация работы по привлечению иностранных ресурсов в форме заимствований, поиску и открытию новых иностранных кредитных линий, в том числе по привлечению иностранных кредитных ресурсов в рамках действующих кредитных линий зарубежных стран;
  - усиление транспортной, информационной и коммуникативной связи городов-центров экономического роста между собой и менее развитыми территориями.
- Кроме применения мер по развитию крупных городов как центров роста, многие страны включают в свою региональную политику меры по контролю над развитием городских агломераций. Это связано с тем, что бесконтрольная излишняя концентрация населения и экономического потенциала в крупных городах приводит, во-первых, к проблемам деградации сельских и малых городских населенных пунктов; во-вторых, – к негативным процессам в развитии самих крупных городов.
- Урбанизационные процессы в Беларуси отличает сильная концентрация населения в одном центре – г. Минске. За последние 10 лет численность населения всех областных центров страны вместе увеличилась меньше, чем численность населения одного Минска за это же время

(на 209,9 тыс. чел. и 216 тыс. чел. соответственно). С 2010 г. темпы роста численности населения Минска немного сократились, а темпы роста количества жителей Гомеля и Могилева заметно возросли (табл. 3).

Минск лет 20–25 назад превосходил по численности населения город Гомель примерно в 3 раза (соответственно 1,6 и 0,5 млн жителей, 1992 г.). Сегодня без пригородов и маятниковых миграций превышение составляет почти четыре раза: соответственно 1,97 и 0,54 млн жителей.

Согласно «правилу Ципфа» (Ципфа), или правилу «ранг-людность», характеризующему нормальное распределение числа жителей городов в экономически целостном районе, население N-го по размеру (рангу) города составляет $1/N$ числа жителей самого крупно-

го города (см. рисунок). В развитых странах разрыв между первым и вторым городом меньше, в развивающихся – значительно больше (Zipf, 1949). При двухмиллионном Минске население второго по рангу города страны – Гомеля – при нормальном развитии должно быть в два раза больше, т.е. около миллиона, население третьего по рангу города должно составлять примерно 0,3 от численности населения Минска, т.е. 700 тыс. жителей.

Плотность населения Минска превысила 5675 чел. на км². Для сравнения: плотность населения по столицам стран-соседей составляет: Варшава – 3450, Киев – 3420, Рига – 2270, Берлин – 3700, Вильнюс – 2500 чел. на км², что сравнимо с плотностью населения большинства областных центров Беларуси.

Таблица 3

Динамика численности и плотность населения крупных городов Республики Беларусь

Город	Численность населения на конец года, чел.			Прирост населения с 2005 по 2016 г., чел.	Темпы роста населения, %		Плотность населения, чел. на км ²		
	2005 г.	2010 г.	2016 г.		2010 г. к 2005 г.	2016 г. к 2010 г.	2005 г.	2016 г.	Темп роста, %
Брест	293922	315824	343985	50063	107,5	108,9	2012	2354	117,0
Витебск	347888	361833	369933	22045	104,0	102,2	2584	2748	106,3
Гомель	481976	501312	535229	53253	104,0	106,8	3565	3828	107,4
Гродно	308221	338287	368710	60489	109,8	109,0	2171	2595	119,5
Минск	1758800	1864100	1974819	216019	106,0	105,9	5054	5675	112,3
Могилев	356370	360918	380440	24070	101,3	105,4	3007	3208	106,7

Источник: составлено по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь.

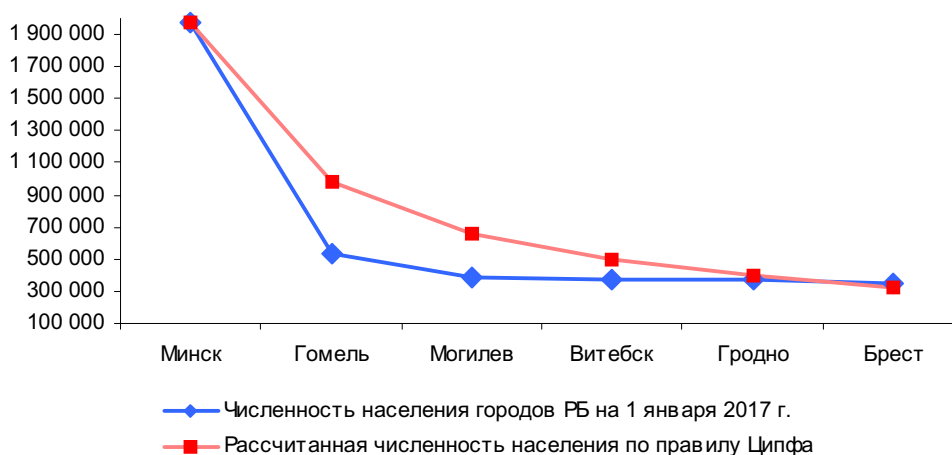

Рис. Кривая Ципфа для Республики Беларусь

Источник: построено по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Сильная концентрация населения в столице противоречит общеевропейской тенденции. В Европе только около 8 % населения проживает в столицах. Доля столичного населения в Беларуси сегодня составляет уже 20,4 %.

Расширение границ Минска ограничено запретом на использование в строительстве земель сельскохозяйственного назначения. Таким образом, Минск, окруженный кольцом земель сельскохозяйственного назначения, в настоящее время не располагает потенциалом для территориального расширения. Дисбаланс между ростом населения г. Минска и ограниченными территориально-планировочными ресурсами столицы привел к обострению жилищной проблемы, несоответствию между ценами на недвижимость и доходами населения, к проблеме хранения индивидуального автотранспорта на территориях жилой застройки, проблеме исчерпания пропускной способности улично-дорожной сети города, ухудшению параметров обеспеченности услугами социальной сферы и экологической ситуации в городе. Инерционный прогноз определяет численность жителей столицы к 2030 г. в 2,1 млн чел. При существующих условиях оптимальной величиной для Минска является уровень в 2 млн чел.

В областных центрах республики наблюдаются схожие проблемы (табл. 4). В частности, центры химической промышленности Гомель и Гродно характеризуются сложной эко-

логической ситуацией. Во всех областных центрах обеспеченность населения жильем отстает от среднереспубликанских показателей, особенно значима жилищная проблема в Гомеле, Могилеве и Витебске. Нарастает в крупных городах проблема с доступностью мест в детских дошкольных учреждениях.

При существующих проблемах для крупных городов характерно наличие значительной доли неэффективно используемых территорий (производственные площадки, склады). Необходима разработка мероприятий по проведению многоцелевого редевелопмента производственных территорий крупных городов, включающего санацию неконкурентоспособных и непрофильных предприятий, видов деятельности и объектов, а также снятие создаваемых этими территориями градостроительных барьеров и препятствий совершенствованию городской среды.

Повышение конкурентоспособности современного крупного города невозможно без проведения мероприятий по повышению качества городской среды и городских сервисов. Только радикальное повышение качества городской среды способно обеспечить прирост привлекательности Минска и областных центров для притока инвестиций и способствовать сохранению и развитию человеческого капитала.

Для преодоления негативных тенденций и ограничения роста населения столицы и област-

Таблица 4
Некоторые показатели качества жизни в крупных городах Республики Беларусь в 2010 и 2016 гг.

	Объем выбросов в окружающую среду от стационарных источников на душу населения, кг/чел.		Образование отходов производства на душу населения, кг/чел.		Обеспеченность населения жильем, м ² на 1 жителя		Обеспеченность населения больничными койками, коек в стационарных учреждениях на 1000 жителей		Численность детей на 100 мест в детских дошкольных учреждениях, чел.	
	2010 г.	2016 г.	2010 г.	2016 г.	2010 г.	2016 г.	2010 г.	2016 г.	2010 г.	2016 г.
Республика Беларусь	40	48	4612	5202	24,6	26,8	114,6	84,5	104	107
г. Минск	16	9	844	1447	20,4	22,5	98,3	72,1	112	116
г. Брест	9	9	611	2579	21,3	23,6	118,6	101,1	106	112
г. Витебск	12	8	571	274	21,2	22,2	140,7	102,8	105	112
г. Гомель	22	17	2049	1958	18,8	19,8	146,8	103,5	106	105
г. Гродно	34	26	2208	2822	22,2	23,6	123,7	90,3	104	108
г. Могилев	18	15	386	1053	21,3	22,2	152,2	103,5	102	108

Источник: составлено по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь.

ных центров основным средством новой государственной политики в области градостроительства стала концепция формирования Минской агломерации и развития городов-спутников.

Вопросы создания городов-спутников и выноса части промышленных предприятий за пределы Минска стали обсуждаться на государственном уровне около 10 лет назад. В 2010 г. была утверждена Государственная программа строительства крупных жилых районов для жителей Минска в городах-спутниках и выноса из столицы в населенные пункты республики некоторых производственных объектов (постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29.06.2010 № 976). Развивать города-спутники предполагалось в два этапа: на первом (с 2010 по 2015 г.) – создать два города-спутника в Смолевичах и Смолевичском районе, на втором (с 2016 по 2020 г.) – построить жилые районы для минчан в Заславле, Логойске, Фаниполе, Дзержинске, Руденске, Столбцах, Узде, Жодино.

В 2013 г. обсуждение создания городов-спутников перешло на новый уровень: органы государственного управления стали говорить о них не как о точечных объектах (таких как Смолевичи, Заславль, Фаниполь), а как о целостной пригородной зоне столицы и областных центров, которая нуждается в гармоничном развитии. Согласно утвержденной в апреле 2013 г. Концепции государственной жилищной политики до 2016 г., одно из основных направлений градостроительной политики – совершенствование территориальной организации страны, которая предполагает оптимизацию численности населения Минска и областных центров посредством переноса некоторых производственных объектов в другие населенные пункты и развития городов-спутников.

Важным документом стал Указ Президента Республики Беларусь № 214 от 07.05.2014 г. «О развитии городов-спутников», который закрепил ряд решений, обсуждавшихся в предыдущие годы. В указе определено, что города и поселки городского типа, расположенные в пределах 60-километровой зоны от Минска или областных центров, теперь могут получить статус городов-спутников. Ходатайствовать о придании населенному пункту такого статуса могут Минский

горисполком и облисполкомы с учетом государственной схемы комплексной территориальной организации страны. В январе 2016 г. Глава государства Указом № 13 «Об утверждении схем комплексной территориальной организации областей и генеральных планов городов-спутников» утвердил генеральные планы города-спутника Бреста - Жабинки, города-спутника Гродно - Скиделя, а также городов-спутников Минска - Дзержинска, Заславля, Логойска, Руденска, Смолевичей, Фаниполя. Предполагается, что реализация генпроектов развития городов-спутников будет способствовать взаимоувязанному развитию городов и центров с использованием социальной инфраструктуры городов-спутников для повышения уровня обслуживания сельского населения, улучшения инвестиционного климата столицы и областных центров за счет расширения выбора инвестиционных площадок, обеспеченных трудовыми ресурсами, транспортной и инженерной инфраструктурой.

Мировая тенденция самых известных городских агломераций – ярко выраженная специализация городов-спутников. Этой же логикой намерены руководствоваться и в Беларуси.

Будущее г. Смолевичи тесно связано с Китайско-Белорусским индустриальным парком, первая очередь которого создаст около 25 тыс. рабочих мест. Реконструкция и расширение Национального аэропорта также обещает несколько тысяч дополнительных рабочих мест к 2020 г.

Заславль имеет перспективы развития как историко-культурный центр, куда из Минска возможно перемещение ряда профильных средних и высших учебных заведений. Ожидается, что в городские доходы трансформируется его туристическая привлекательность. Такая же ниша отведена Логойску, который будет формироваться как центр туризма, отдыха и развлечений.

Фаниполь и Дзержинск, согласно концепции, могут стать распределительными транспортно-логистическими узлами и параллельно центрами развития маркетинговых и презентационных функций (организация экспозиционных пространств, проведение промышленных выставок-ярмарок).

Руденск в первую очередь будет ориентирован на развитие промышленного комплекса,

связанного с научной и производственной базой столицы. Здесь могут разместиться крупные предприятия, формирующие кластеры определенной отраслевой направленности (машиностроение, энергетика и т.п.). Город имеет потенциал территориального расширения, что делает его предпочтительной площадкой для размещения промышленных производств из Минска. Основными преимуществами Руденска можно считать хорошо развитую систему инженерных сетей и большие мощности тепловой и электрической энергии – в городе находится реконструированная ТЭЦ-5, поэтому в этот поселок целесообразно переносить из Минска энергоемкие предприятия. В г.п. Руденск также предполагается развитие пищевой, комбикормовой промышленности, машиностроения.

Согласно генеральным планам, к 2030 г. за счет строительства жилья для столичных жителей произойдет увеличение численности населения в Дзержинске на 12 тыс. чел., в Фаниполе – на 6 тыс., Заславле – на 17 тыс., Логойске – на 3 тыс., Смолевичах – на 38,7 тыс., в Руденске – на 67 тыс. чел. Одной из проблем развития городов-спутников станет обеспечение увеличившегося населения социальной инфраструктурой.

В Беларуси эти вопросы регулируются посредством государственных минимальных стандартов. Проведенное специалистами Института экономики НАН Беларуси исследование показало, что ряд минимальных социальных стандартов по г. Минску превышает установленные значения по Минской области. Речь идет о следующих стандартах: удельный вес освещенных улиц; удельный вес улиц с усовершенствованным покрытием; норматив обеспеченности детей дошкольного возраста местами в учреждениях дошкольного образования; норматив бюджетной обеспеченности расходов в расчете на одного человека по городу в области культуры; норматив обслуживания населения по городским перевозкам; норматив обеспеченности койками на 1000 жителей; норматив обеспеченности населения местами в общедоступных объектах общественного питания; норматив бюджетной обеспеченности расходов на физическую культуру и спорт в расчете на 1 человека по району. Наиболее острая проблема городов-спутников

Минска – недостаток мест в детских дошкольных учреждениях для уже проживающего в них населения.

Только в двух городах – Смолевичах и Заславле – выполнение социальных стандартов в наибольшей мере приближено к уровню г. Минска. Что же касается таких городов и городских поселков, как Логойск, Руденск, то уровень развития их социальной инфраструктуры в соответствии со стандартами г. Минска потребует значительных ресурсов (Вертинская, 2013).

Однако самой важной предметной задачей создания столичной агломерации станет капитальная реконструкция инженерных сетей городов-спутников.

В настоящее время основным для развития городов-спутников является вопрос о том, на какие средства будут реализовываться проекты генпланов. Указано лишь, что развиваться города-спутники столицы будут за счет средств Миноблисполкома и Мингорисполкома.

Как известно из мировой практики, наиболее эффективной в таких случаях оказывалась модель государственно-частного партнерства, когда региональные власти готовят площадку, создают инженерную инфраструктуру, а бизнес привлекают для строительства объектов производственного назначения, сферы услуг и жилых массивов. Развитие городов-спутников – уместный повод апробировать в отечественных условиях эту схему.

В связи с развитием городов-спутников дальнейшее развитие г. Минска и других крупных городов Республики Беларусь должно происходить в гармонии с развитием соседних районов во избежание негативных последствий нескоординированных действий. Основным принципом должно стать взаимовыгодное сотрудничество и согласованность действий, рост не в ущерб друг другу. Необходима разработка и реализация совместных с республиканскими органами и с субъектами соседних районов программ и проектов в области инфраструктуры, производства и администрирования, требующих координации использования средств бюджетов различных уровней, совместного управления госимуществом, повышения качества государственных услуг, координированной политики в отношении

бизнеса. Для этого целесообразно формирование нормативно-правовой базы для внедрения действенных механизмов сотрудничества органов управления городов областного подчинения и одноименных районов в стратегическом планировании и обеспечении развития их территорий на уровне городских агломераций.

Для обеспечения общих интересов в территориальном планировании развития Минской агломерации следует предусмотреть следующие шаги:

- сбалансированное развитие системы расселения Минска и Минской области;
- интеграция в совместную систему транспортной инфраструктуры Минска и области;
- развитие общей инженерной системы Минска и городов-спутников с целью повышения надежности ее функционирования и повышения качества обслуживания населения и бизнеса;
- согласование развития социальной и коммунальной инфраструктуры города и области;
- согласование экологической политики.

Для стимулирования развития городов-спутников столицы и областных центров в Республике Беларусь следует предусмотреть:

- развитие кооперации расположенных в г. Минске и областных центрах предприятий с предприятиями, находящимися в городах-спутниках, с использованием системы аутсорсинга, в перспективе – через создание кластерных структур;
- создание отраслевых региональных холдингов с сохранением головных центров в крупных городах и вынесением предприятий в города-спутники;
- формирование фонда поддержки развития городов-спутников;
- включение отдельных промышленных зон, создаваемых в городах-спутниках, в состав СЭЗ;

- повышение миграционной привлекательности городов-спутников за счет развития производственной и социальной инфраструктуры и обеспечения населения жильем и социальными услугами высокого качества (на уровне нормативных показателей столицы и областных центров), улучшения транспортной доступности, повышения уровня и комфорта транспортного обслуживания и обеспечения занятости населения городов-спутников.

Таким образом, крупные города требуют пристального внимания как потенциальные объекты региональной политики государства, так как, с одной стороны, в них формируется ряд диспропорций и угроз устойчивому развитию территорий страны, а с другой – именно городские поселения могут стать центрами роста, придающими импульс региональному развитию.

В рамках решения общих задач по формированию центров экономического роста инструменты, применяемые в отношении крупных городов страны (г. Минска, областных центров), должны быть ориентированы на повышение эффективности использования их ресурсов как локомотивов роста экономики страны. Роль крупных городов состоит в привлечении иностранных инвестиций, новых технологий, кадров высокой квалификации.

Наряду с этим необходимы инструменты региональной политики, направленные на предотвращение негативных тенденций нарастания социальных и экологических проблем таких поселений. Специфическим в данном случае является механизм формирования агломераций путем развития городов-спутников.

Литература

Вертинская Т.С. [и др.]. 2013. *Концептуальная модель развития городов-спутников Минска*. Институт экономики НАН Беларуси. Минск: Беларуская навука. С. 196

Zipf G.K. 1949 *Human Behavior and the Principle of Least Effort*. Addison-Wesley Press. С. 484–490.

Статья поступила 4.07.2018 г.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ
БЕЛАРУСИ СО СТРАНАМИ-ЧЛЕНАМИ ЕАЭС

Вертинская Т.С.

**Действующая практика управления
межрегиональными связями
Беларуси со странами-членами
ЕАЭС**

В настоящее время ключевыми участниками межрегионального сотрудничества Беларуси со странами-членами ЕАЭС выступают крупные государственные предприятия. Слабо задействован бизнес, в том числе малое и среднее предпринимательство. Доминирующей формой остается межрегиональная торговля товарами. В перечне экспортных позиций услуг основная роль отведена услугам связи и транспорта.

Наднациональный механизм содействия развитию межрегиональных связей внутри регионального объединения ЕАЭС, в отличие от европейской практики, не разработан и не практикуется.

Среди применяемых инструментов управления развитием межрегиональных связей на республиканском уровне в Беларуси преобладают меры, реализуемые в рамках Национальной программы развития и поддержки экспорта, а также методы, обеспечивающие выход предприятий на внешние рынки. Имеются в виду: информационная, маркетинговая, кредитная поддержка, страхование экспорта, создание объектов внешнеторговой инфраструктуры и др.

Производственные и научно-технические связи регионов осуществляются на программной основе и главным образом с Российской Федерацией. Речь идет о межгосударственных программах, в которых должная увязка с территориальными ресурсами регионов, где расположены предприятия, как правило, отсутствует. При этом выделить проекты, имеющие системообразующий характер для регионов, довольно сложно.

Высокая степень государственного регулирования экономики Беларуси, преобладание в торгово-экономических связях предприятий государственного сектора определяют действенность административных управленческих методов. В частности, в настоящее время в качестве результативной показала себя практика установления показателей социально-экономического развития регионов, так называемая матрица задач Президента Республики Беларусь, обязательных для исполнения и используемых для оценки деятельности руководителей облисполкомов. Такие индикаторы, как темп роста экспорта товаров и услуг, объем привлеченных иностранных инвестиций, оценивают выполнение заданий областей по внешнеэкономической деятельности.

Участие местных органов власти реализуется путем взаимных визитов руководителей регионов с целью заключения договоров о сотруд-

ОБ АВТОРЕ

**ВЕРТИНСКАЯ
Татьяна Сергеевна**
(vert.region@economics.basnet.by),
кандидат экономических наук,
заведующий отделом мировой
экономики и
внешнеэкономических
исследований Института
экономики НАН Беларуси
(г. Минск, Беларусь).
Сфера научных интересов:
региональная экономика,
региональная интеграция,
мировая экономика.

ничестве; организации рабочих групп, координирующих работу по вопросам межрегиональных связей; инфраструктурного обустройства внешней торговли; содействия участию предприятий в реализации научно-технических и производственных программ, а также выставочной и ярмарочной деятельности.

Весьма успешным ежегодным мероприятием и эффективной площадкой для обсуждения актуальных проблем белорусско-российского регионального экономического взаимодействия стал Форум регионов Беларуси и России, который проводится с 2014 г. В рамках четырех проведенных форумов были организованы специализированные выставки, ярмарки-продажи, на которых представлена производимая предприятиями регионов продукция, заключено экспортных контрактов на сумму, эквивалентную более 930 млн долл. США, подписано 139 соглашений о сотрудничестве как на уровне Правительства Республики Беларусь, так и регионов, из них 34 – между представительными органами власти о взаимодействии в области местного самоуправления. Проводились специализированные мероприятия с участием общественности.

Таким образом, межрегиональные связи Беларуси со странами-членами ЕАЭС сегодня - это связи на уровне крупных государственных предприятий, валообразующих для отдельных регионов, управление которыми реализуется через отраслевые каналы и (или) на республиканском уровне. Рыночный механизм интеграции регионов развит слабо. Органы местного управления и самоуправления в силу ограниченности полномочий во внешнеэкономической сфере и финансовых ресурсов ориентированы в основном на реализацию национальных интересов вхождения в евразийский рынок и используют преимущественно административные методы.

Региональная составляющая, связанная с учетом местных социально-экономических и экологических условий выхода регионов на внешний рынок и регулированием территориальных ресурсов (природных, сырьевых, человеческих), используемых для внешнеэкономической деятельности, не определена как компонент механизма управления экономической интеграцией регионов Беларуси в ЕАЭС.

Формы межрегионального (приграничного) сотрудничества Беларуси со странами-членами ЕАЭС: особенности и различия

С целью преодоления существующих недостатков и активизации региональной составляющей интеграционной политики в ЕАЭС предлагается межрегиональные связи Беларуси со странами-партнерами по Союзу развивать в следующих двух организационно-правовых формах. Первая форма реализуется по схеме: страна (Республика Беларусь) – регионы стран-членов ЕАЭС; вторая – между регионами стран Союза.

Использование двух форматов межрегиональных (приграничных) связей Беларуси объясняется следующим:

- отсутствием международной правосубъектности областей Беларуси, которые юридически не могут выступать сторонами международных договоров и соглашений с регионами других стран;
- различным политическим устройством стран-членов ЕАЭС, прежде всего России, которая является федерацией и одновременно ключевым партнером Беларуси;
- преобладанием в межрегиональных связях со стороны Беларуси предприятий государственной формы собственности, регулирование которых предполагает участие республиканских органов управления;
- множественностью целей интеграции, для реализации которых требуются различные форматы;
- существующим несоответствием объема полномочий между местными органами власти стран-участниц, прежде всего в силу особенностей построения белорусской системы местного управления и самоуправления.

Ключевые отличительные черты предлагаемых двух форм межрегионального сотрудничества связаны со всеми основными элементами механизма межрегионального сотрудничества и заключаются в следующем.

1. Исходные различия между предлагаемыми организационно-правовыми формами обус-

ловлены целями межрегионального сотрудничества. Основная цель интеграционных связей по схеме страна – регион предполагает участие регионов в формировании единого экономического пространства как пространства четырех свобод (передвижения товаров, услуг, капитала, рабочей силы) и соответственно углубление торговых, инвестиционных, инновационных и миграционных связей между регионами стран-членов ЕАЭС. Во втором случае на первый план выходят цели реализации региональных резервов углубления интеграционных связей в ЕАЭС, расширения взаимодействия в новых сферах, связанных с региональной экономикой, а также регионального развития за счет внешнеэкономической деятельности.

2. Различаются ключевые субъекты управления межрегиональными связями: с одной стороны, преимущественно органы государственного управления республиканского уровня, формирующие правовые и организационные условия для интеграции регионов, с другой стороны – органы местного управления и самоуправления областного и районного уровней.

3. Имеют место различия между сферами и направлениями сотрудничества. Первая форма, по сути, представляет собой часть внешнеэкономической стратегии Беларуси, реализуемой на региональном уровне, которая исходит из национальных приоритетов, охватывает внешнюю торговлю товарами и услугами, создание совместных предприятий, формирование кооперационных связей. Вторая форма межрегиональных связей, наряду с участием национальных органов управления, в качестве специфических объектов интеграции включает экологию, образование, здравоохранение, культуру, туризм, социальные услуги.

4. Ключевые участники межрегионального взаимодействия также различаются. В первом случае – это государственные предприятия, крупный бизнес, во втором – преимущественно малый и средний бизнес, предприятия коммунальной формы собственности, общественные организации, местные сообщества.

5. Особенности управленческих инструментов обусловлены объемом компетенции правительственных органов, органов местного уп-

равления и самоуправления, а также их финансовыми возможностями. С учетом этого для первой формы характерно преобладание административных методов и программная основа поддержки экспортной деятельности и производственного кооперирования предприятий, расположенных в регионе.

Во второй форме в силу ограниченности финансовой основы органов местной власти и узости их полномочий основные методы сведены к информационной и организационной поддержке межрегиональных связей; совместной проектной деятельности (в области экологии, социальных услуг, образования, здравоохранения); содействию включения в интеграцию общественной составляющей и активизации сотрудничества между институтами местного самоуправления разных стран, а также к стимулированию малого и среднего бизнеса с ориентацией на достижение целей устойчивого развития.

6. И наконец, различны правовые рамки сотрудничества. С одной стороны, это договоры о развитии межрегиональных связей Республики Беларусь с партнерами по Союзу, в том числе с субъектами Российской Федерации; с другой – это соглашения о развитии межрегиональных связей на уровне местных органов власти, заключаемые в правовом поле, которое определено на национальном уровне.

Таким образом, первая форма – это такие межрегиональные и приграничные экономические связи между субъектами хозяйствования, расположенными в регионах, как реализация внешнеэкономической стратегии страны вхождения в ЕАЭС, которая осуществляется традиционными методами внешнеэкономического регулирования.

Вторая форма – это международное региональное сотрудничество, направленное на решение территориальных проблем с участием местных органов власти, малого и среднего бизнеса, общественного сектора, а также в целях экономической интеграции на уровне Евразийского экономического союза.

На практике предложенные формы межрегиональных (приграничных) связей тесно переплетены и взаимодополняемы. Так, приграничные связи с учетом того, что в Беларуси пригра-

ничным регионом определена область, могут реализовываться в двух форматах. Однако предложенная типология важна с точки зрения понимания логики развития интеграционных связей регионов Беларуси с регионами стран-членов ЕАЭС и необходимости разработки мер по совершенствованию механизма их управления.

Акселераторы углубления интеграционных связей регионов Беларуси и стран-участниц ЕАЭС

Ожидается, что межрегиональное сотрудничество Беларуси со странами Союза может внести определенный вклад в достижение экономических эффектов, которые рассматриваются в качестве ключевых ориентиров интеграционной политики на евразийском пространстве и определены в документе «Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 года»¹.

¹ URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/seminar/Documents

При этом предложенные формы межрегиональных связей обладают потенциалом обеспечения новых дополнительных интеграционных эффектов. Речь идет о региональной специализации в рамках союзного разделения труда, о синергетическом эффекте, связанном с реализацией принципов устойчивого развития в интеграционной политике ЕАЭС на субнациональном уровне; об эффекте регионального роста, обусловленном внешнеэкономическими факторами, эффекте агломерации и др. Основные и дополнительные виды эффектов межрегиональных связей перечислены ниже (см. таблицу).

Для углубления межрегионального сотрудничества предлагается использовать ряд акселераторов, или ускорителей интеграционных связей регионов. Применение их в бизнесе активно практикуется сегодня во всем мире. Например, для достижения глобальных целей устойчивого развития в Беларуси международными экспертами предложено также использовать акселераторы.

Таблица
Межрегиональные связи Беларуси со странами-членами ЕАЭС и потенциальные эффекты интеграции

Вид эффекта		Вид акселератора				
		Специализация регионов	Точки интеграционного роста на базе зон инновационного развития	Социальное инвестирование	Цифровая территория	Культурные индустрии
Основные эффекты	Эффект «создания торговли»	X	X	X	X	X
	Эффект диверсификации торговли			X	X	X
	Мультипликативный эффект		X		X	X
	Эффект импортозамещения	X	X		X	
	Эффект притока ПИИ	X	X	X	X	X
	Эффект «экономии на масштабе»	X	X			
	Эффект формирования новых рыночных ниш, в том числе отраслей будущего		X	X	X	X
Дополнительные эффекты	Эффект региональной специализации	X	X			
	Эффект регионального роста	X	X	X	X	X
	Эффект устойчивого развития (синергетический)	X	X	X	X	X
	Эффект агломерации	X	X			

Источник: авторская разработка.

Выбор акселераторов экономической интеграции между регионами Беларуси и стран-членов ЕАЭС основывался на необходимости соответствия следующим требованиям. Во-первых, это должен быть относительно новый инструмент, нацеленный на развитие рыночных механизмов интеграции. Во-вторых, предполагается, что акселератор охватывает ключевых субъектов межрегионального сотрудничества. В-третьих, применение акселератора должно приводить одновременно к достижению нескольких эффектов (основных и дополнительных). В-четвертых, необходимо, чтобы действие акселератора распространялось на экономическую, социальную и экологическую сферы, что соответствует принципам устойчивого развития. В-пятых, активизация одновременно нескольких видов межрегионального сотрудничества (взаимная торговля товарами и услугами, производственные, инновационные, инвестиционные и миграционные связи) должна стать результатом «включения» акселераторов.

На наш взгляд, такими акселераторами могут стать следующие направления:

1) усиление специализации регионов Беларуси в рамках союзного разделения труда в ЕАЭС;

2) использование потенциала существующих СЭЗ, технопарков, индустриальных парков, территорий опережающего развития как точек роста для развития региональных инновационных связей между странами-членами ЕАЭС;

3) создание условий для развития и использования в межрегиональных связях социально ответственного инвестирования, или импакт-инвестиций;

4) формирование цифровых территорий и применение цифровых технологий в развитии интеграционных связей регионов на различных стадиях бизнес-процессов;

5) переориентация связей между местными сообществами на экономическую основу, включая развитие культурных индустрий.

Первый акселератор – углубление международной специализации регионов Беларуси в рамках ЕАЭС. Его применение во многом основано на использовании положительной зарубежной практики ЕС, где частью «Европейского плана 2020» является новая европейская стратегия «Умная специализация».

Содержательно построение подобной стратегии базируется на строгом отборе ограниченного числа приоритетов в социально-экономическом развитии регионов в международном контексте; выявлении с участием бизнеса конкурентных преимуществ территорий; поддержке кластерных структур в приоритетных сферах экономики региона; формировании эффективного механизма взаимодействия государства, частного сектора, науки и потребителей инноваций².

В белорусских регионах сформировались отдельные отрасли, которые занимают значительный удельный вес в показателе ВРП, определились ключевые экспортные позиции на рынках стран-членов ЕАЭС. Однако важно обратить внимание, что в рамках умной специализации регионов выбор приоритетных сфер предполагает скорее внутриотраслевую и подетальную специализацию, производство и экспорт высокотехнологичных товаров. И этот процесс находится в Беларуси на начальных этапах формирования.

Наиболее действенным механизмом обеспечения стратегии «умной специализации», как отмечено выше, является формирование в регионах, в том числе на совместной основе, конкурентоспособных в рамках ЕАЭС кластеров. По экспертным оценкам, в белорусских регионах могут получить развитие следующие кластерные структуры, интегрированные в евразийское экономическое пространство: промышленные, сельскохозяйственные, транспортно-логистические, туристические, а также образовательные и творческие кластеры (Соловьев, 2015. С. 341–356).

В числе мер содействия формированию региональных кластеров на уровне местных органов власти, определяющих специализацию регионов в международном разделении труда в рамках ЕАЭС, исходя из зарубежного опыта, необходима разработка концепции кластерной политики в регионе как части механизма межрегионального сотрудничества. Она должна предусматривать формирование региональных баз данных о кластерных инициативах в регионах; подготовку маркетинговых программ продвижения имиджа региона; построение институциональ-

² URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/presenta/smart_specialisation/smart_ris3_2012.pdf

ных и сетевых механизмов сотрудничества между ключевыми участниками кластера; образование системы грантов для финансирования кластерных инициатив в регионе; разработку программы привлечения, обучения, переподготовки, повышения квалификации кадров.

При реализации кластерной политики в регионе как основы для инновационного межрегионального сотрудничества следует обратить внимание на ряд условий, которые, исходя из практики других стран, являются обязательными для успешности кластера. Необходимо, чтобы механизм формирования региональных кластеров был ориентирован на рыночные связи и включал действия как «снизу» в виде кластерных инициатив от бизнеса, так и «сверху» в форме государственной поддержки их развития. Важен характер взаимоотношений между участниками кластера: обеспечение постепенного перехода от простого обмена информацией до коллаборации, или коллективных действий на базе единой стратегии с прохождением предварительных этапов координации и кооперации действий. Причем необходимы гибкость взаимосвязей и возможность для участников кластерной структуры перекомпоновывать свои активы, ориентируясь на создание новых продуктов. Критически важно участие представителей трех секторов: государства в лице местных органов власти, бизнеса и науки. Общим правилом является соблюдение баланса между кооперацией и конкуренцией, специализацией и разнообразием (Смородинская, 2014; 2015).

Второй акселератор – это развитие региональных инновационных связей между странами – членами ЕАЭС на базе существующих свободных экономических зон, технопарков, промышленных парков, территорий опережающего развития.

Этот инструмент может оказаться весьма результативным как в наращивании и диверсификации внешнеторговых связей, так и для достижения эффектов синергии и регионального инновационного роста в рамках интеграционного процесса.

Приходится констатировать, что примеров реализации совместных региональных иннова-

ционных проектов в области производства конкурентной экспортоориентированной или импортозамещающей продукции с применением новых технологий на базе существующих зон инновационного развития в ЕАЭС практически нет, несмотря на то, что во всех государствах-членах ЕАЭС активно идет процесс их формирования.

Сегодня в Казахстане, например, функционируют десять специальных экономических зон: «Астана – новый город»; «Национальный индустриальный нефтехимический технопарк»; «Морпорт Актау»; «Парк инновационных технологий»; «Онтустик»; «Бурабай»; «Сарыарка»; «Хоргос – Восточные ворота»; «Павлодар»; «Химический парк Тараз». В Киргизии работают пять СЭЗ: «Бишкек», «Каракол», «Маймак», «Нарын», «Лейлек». В Армении действуют 2 СЭЗ: высокотехнологичная СЭЗ «Альянс» на базе завода «Марс» и ЕрНИИММ и ювелирная СЭЗ «Меридиан». Российская Федерация стала лидером по созданию различного типа зон инновационного развития (зоны опережающего развития, наукограды, территории инновационного развития, особые экономические зоны, технопарки и др.), а также пионером на евразийском пространстве в области формирования технологических платформ (ТП), которые являются одним из инструментов государственной инновационной политики³.

В Беларуси функционируют 6 свободных экономических зон («Минск», «Брест», «Витебск», «Гродноинвест», «Гомель-Ратон», «Могилев»), Парк высоких технологий, формирующийся Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень» и 12 технопарков, созданных во всех областных центрах страны, а также в Новополоцке и Смолевичском районе Минской области на базе университетов и местных органов власти.

Для обеспечения деятельности СЭЗ и технопарков, прежде всего в Беларуси, как площадок для запуска активных инновационных межрегиональных связей в ЕАЭС необходимо как минимум компактное размещение на их территории малого инновационного бизнеса, деятель-

³ URL: <https://www.rgo.ru/ru/grant/tehnologicheskaya-platforma-tehnologii-ekologicheskogo-razvitiya>

ность которого связана с крупными предприятиями, и формирование тесных взаимосвязей между ними на рыночной основе. По сути, речь идет об организации опытных площадок для отработки новых механизмов (коммерциализации, рыночных механизмов взаимодействия между резидентами, развитие специализации). С целью повышения уровня технологичности выпускаемой продукции необходимо создание дополнительных стимулов для привлечения иностранных инвестиций из стран-членов ЕАЭС на площадки, подготовленные к размещению объектов инновационной сферы, включая снижение административных барьеров, сопутствующий сервис и деловые услуги.

Российские технологические платформы также можно рассматривать как площадку для интеграции в инновационной сфере. Этот инструмент, имея сетевую и партнерскую природу функционирования, может быть эффективно использован для углубления межрегионального инновационного сотрудничества в рамках ЕАЭС. Для этого требуется как минимум следующее:

- отработка правовых условий создания технологических платформ на совместной основе и вхождения в партнерство резидентов Беларуси и других стран Союза;
- определение перечня направлений научно-технологического развития, которые представляют взаимный интерес и по которым Беларусь и ее регионы имеют нарабатываемые конкурентные преимущества;
- расширение сетевого формата технологических платформ за счет подключения участников из регионов: представителей бизнеса, науки и образования, а также институтов гражданского общества, которые нацелены на содействие его членам в области коммерциализации научно-технических разработок; создания конкурентоспособной продукции и др.

Региональное инновационное сотрудничество может развиваться на базе создания новых совместных структур зонального типа. В частности, как новый проект предлагается создание на белорусско-российском пограничье совместного агропромышленного парка. Его основной задачей может стать производство и реализация

экологически чистой продукции современного агротехнологического кластера, научные исследования в этой области и коммерциализация научно-технических разработок (Вертинская, 2018. С. 246).

Третий акселератор – активное использование цифровых технологий и формирование цифровой территории как пилотного проекта в области развития межрегиональных инновационных связей в ЕАЭС.

В самом простом варианте цифровые технологии смогут придать дополнительный импульс совершенствованию сбытовой деятельности. Для малого и среднего бизнеса, который является ключевым участником межрегиональных связей в области маркетинга, управления брендом, коммуникаций с потребителями и в целом для продвижения продукции на российский рынок могут быть использованы социальные сети.

По оценкам посольства Республики Беларусь в России, среди 127 белорусских предприятий, которые экспортируют мясо-молочную и рыбную продукцию на российский рынок, только 34% имели свои аккаунты в социальных сетях. В России более 80% малых предприятий используют социальные сети для продвижения своего бренда (Конъюнктура рынков, 2017. С. 21–25).

Дальнейшее внедрение цифровых технологий в интеграционные отношения связано с реализацией цифровой повестки ЕАЭС, которую поддерживали все главы государств интеграционного объединения. Цифровая платформа ЕАЭС создает безбарьерную среду для интеграционных взаимодействий. Для развития межрегиональных связей цифровая трансформация может получить воплощение в виде формирования цифровых территорий.

Что понимается под цифровой территорией? Это проект, реализуемый на уровне регионов или городов, которые имеют органы местной власти и активно участвуют в интеграционных связях ЕАЭС. Он имеет целью формирование ряда информационных платформ, объединяющих информационные ресурсы, информационно-коммуникационную инфраструктуру, в том числе коммуникационные каналы, обеспечивающие доступ потребителей к информации, а также сектор кон-

салтинговых фирм, которые разрабатывают и предоставляют потребителям информационные продукты, связанные с региональным развитием и установлением интеграционных связей на уровне регионов с партнерами по ЕАЭС.

Цифровая территория обладает благоприятными информационными условиями для развития межрегиональных связей, в частности, для участия субъектов хозяйствования разной страновой принадлежности в кластерообразовании, объединении городов в международные сети, особенно по узким специализированным направлениям (туризм, переработка сельхозпродукции и др.).

В известном смысле речь идет о воплощении принципов территории рассматриваемого типа в рамках концепции «умного» города. Как известно, концепция «Smart City» получила общемировое распространение. В мире уже создаются коллаборации «умных» городов с участием крупнейших мировых технологических компаний (Cisco, GE, Microsoft, Siemens и др.). Примером такого сотрудничества является проект «City Digital Chicago»⁴.

Республика Беларусь может выступить инициатором разработки международного проекта «Цифровая территория городов ЕАЭС», включающего разработку концепции создания условий для цифровой трансформации системы регионального управления и формирования единого информационного пространства на уровне пилотных территорий, которые выбраны с учетом имеющейся технической и интеллектуальной базы и обладают определенным интеграционным потенциалом.

Во-первых, цифровая территория – это новая инновационная и информационная база для совершенствования системы управления региональным развитием с учетом развития рыночных отношений и реализации принципов устойчивого развития.

Информатизация системы органов местной власти будет способствовать повышению качества управленческой деятельности за счет снижения времени для сбора, передачи и обработки информации; оптимизации численности госслуж-

жащих, сокращению управленческих функций и более рациональному их распределению между структурными подразделениями внутри исполкомов; открытости деятельности органов местной власти и широкому участию гражданских институтов и общественных структур.

Во-вторых, важную роль цифровая территория может сыграть в формировании инновационной среды города как составной части региональной инновационной системы и развития межрегиональных инновационных связей в ЕАЭС. Это объясняется тем, что цифровые технологии значительно повышают доступность региона и обладают способностью обеспечивать диффузию, или распространение знаний и нововведений, что проявляется в торговых потоках высокотехнологичных товаров и услуг, иностранных инвестициях, мобильности человеческих ресурсов. Таким образом, повышение обеспеченности территории информационно-коммуникационной инфраструктурой будет способствовать развитию инновационной среды региона.

В-третьих, в условиях нарастания процессов глобализации мировой экономики и повышения открытости белорусской экономики важно создание информационной платформы для развития экспортных связей региона, привлечения иностранных инвестиций, поиска новых рынков сбыта белорусской продукции в увязке с формированием в Беларуси системы «одно окно» в области осуществления внешнеторговых сделок.

Ресурсное обеспечение этой платформы должно быть направлено на информирование потребителей о внешнеэкономической политике стран-партнеров, конъюнктуре региональных рынков стран-партнеров, социально-экономическом развитии территории, структуре трудовых ресурсов, об уровне их доходов, объектах инфраструктуры, что представляет интерес для зарубежных инвесторов.

Четвертый акселератор – это социальное инвестирование в регионах как новая инициатива, которая находится в формате устойчивого развития. Как экономическая категория социально ответственное инвестирование представляет собой инвестиционный процесс, в котором через добровольный и сознательный выбор критериев и методов инвестирования проявляется ответ-

⁴ URL: <https://www.americaninno.com/chicago/digital-city-announces-first-two-smart-city-projects-from-ui-labs>.

ственность инвестора за последствия его инвестиций для общества, окружающей среды и их устойчивого развития. Другими словами, социальные инвестиции предполагают максимизацию как финансового результата, так и социальной пользы. Иногда социальные инвестиции называют «инвестициями воздействия», или импакт-инвестированием⁵.

Для стимулирования развития импакт-инвестирования в регионах с целью усиления развития межрегиональных связей могут быть использованы разнообразные подходы.

Во-первых, на первоначальном этапе социальное инвестирование может быть ориентировано на достижение социальных или экологических эффектов, связанных непосредственно с деятельностью импакт-инвестора, которыми могут стать ключевые участники интеграционных связей в ЕАЭС. Например, крупный бизнес может выделять беспроцентные кредиты потенциальным предпринимателям в регионе, деятельность которых так или иначе связана с функционированием этого предприятия (сервисные, ремонтные, торговые услуги и др.). Для стимулирования продаж на территориально удаленных региональных рынках партнера может осуществляться компенсация скидок либо по отдельным товарным позициям, либо по отношению к определенным слоям населения. Еще один вариант социального инвестирования – финансовое обеспечение переподготовки кадров необходимой специальности для работы на предприятиях импакт-инвестора.

По сути, речь идет о так называемом пакетном принципе реализации инвестиционного проекта на территории другой страны, когда наряду с инвестиционным процессом предусматривается создание высокотехнологичных рабочих мест; финансовая поддержка временной трудовой миграции, предполагающая повышение уровня квалификации кадров; инвестиционное содействие созданию объектов инфраструктуры.

Во-вторых, импакт-инвестирование – это инструмент поддержки новых инновационных на-

правлений бизнеса, тесно связанных с региональной экономикой: «зеленые технологии», альтернативная и возобновляемая электроэнергетика, «зеленое» строительство, переработка отходов, где возможна кооперация партнеров с целью создания новых отраслей и повышения уровня конкурентоспособности выпускаемой продукции.

В-третьих, тандем импакт-инвестирования и цифровых технологий позволит активно развивать сетевое межрегиональное сотрудничество на разных этапах бизнес-процесса: 1) сетевые формы потребления, которые важны для низкооплачиваемых и социально уязвимых слоев населения, поскольку снижают цену товара и услуги и эффективны для социальных предприятий как поставщиков товаров и услуг на внутренний и внешний рынки, поскольку увеличивают объем продаж; 2) сбытовые сети социальных предпринимателей, расширяющие возможности продаж, обмен опытом, способствующие росту разнообразия товарных предложений с учетом особенностей on-line торговли; 3) информационные сети для организации стартапов для начинающих предпринимателей и установления контактов между крупным и малым бизнесом, в том числе с целью формирования региональных кластерных структур; включение в международные ассоциации (объединения) для защиты интересов социального предпринимательства; 4) финансовые сети, предназначенные для расширения источников финансовой поддержки социального предпринимательства, в том числе краудфандинговые платформы.

Пятый акселератор – придание сотрудничеству между местными сообществами (побратимские связи) стран-членов ЕАЭС экономического характера для достижения эффектов синергии и регионального роста с учетом принципов устойчивого развития.

В настоящее время между органами местной власти интегрируемых стран развиваются побратимские связи. Такие связи ориентированы на местные сообщества, хотя и формируются властными структурами. Их главная цель – социальное сплочение населения, проведение совместных культурных, спортивных, образовательных мероприятий, обмен опытом. Так, только за 2012–2013 гг. 21 город и регион Беларуси

⁵ URL: http://ethicalfinancehub.org/wpcontent/uploads/2017/12/Growing_a_Culture_of_Social_Impact_Investing_in_the_UK-2017.pdf.

заключили побратимские соглашения более чем 80 регионами и населенными пунктами Российской Федерации (Залесский, Вальковский, Мостовой, 2013).

В настоящее время уровень контактности и взаимодействия населения регионов стран Союза таков, что результатом побратимских связей может стать не только установление дружественных связей между местными сообществами. Культурные контакты на уровне местных сообществ должны быть встроены в социально-экономические аспекты территории и стать стимулом для соответствующего развития регионов и их интеграции в единое экономическое пространство ЕАЭС.

Налаживание побратимских связей имеет целью формирование культурного капитала регионов, востребованного в межрегиональных связях⁶. Это означает, что не только экономический потенциал, но и культурные традиции, быт проживающего населения, богатые эстетические свойства региональной среды (своеобразие ее исторического облика, природно-ландшафтного комплекса, архитектурного образа построек и др.) могут быть использованы для «брендинга» территории, повышения ее инвестиционной привлекательности и позиционирования как участника евразийских интеграционных связей.

Можно выделить несколько направлений, в которых культурологические факторы, определяющие специфику региона, могут становиться экономическими активами, дополнительными стимулами для углубления межрегиональных связей в сопряженных сферах.

Первое – организация на постоянной основе местных праздников, фестивалей, отражающих культурные особенности регионов, с привлечением малого и среднего бизнеса, ремесленников, что позволит увеличить сбыт произведенной продукции.

Второе – возможность использования природного, культурного и исторического потенциала регионов для дальнейшего развития агротуризма, в том числе в разработке совместных туристических маршрутов, где белорусские регионы

обладают международными конкурентными преимуществами.

Третье – культурный потенциал регионов может стать источником нововведений в организации на коммерческой основе новых форм досуга населения, опирающихся на традиции местной культуры, но имеющих современное видение и перспективы интеграции в евразийский, а затем и глобальный рынок культурных благ.

Четвертое – в целях повышения инвестиционной привлекательности регионов развитие побратимских связей и проведение различных совместных мероприятий может быть ориентировано на создание бренда региона с учетом культурных особенностей территории и его экспортных возможностей. Брендинг может быть связано с созданием банка данных о старинных кулинарных рецептах и технологиях производства продуктов, основанных на культурных традициях территории, их применением при формировании сети национальных кафе и ресторанов, производств продуктов в странах-партнерах.

Пятое – культурные контакты на уровне регионов могут приобретать не эпизодический, а регулярный характер на основе формирования новых региональных культурных центров (местных музеев, обрядовых мероприятий, мастерских художников, фото- и художественных выставок и др.), которые созданы на базе реструктуризации депрессивных регионов, заброшенных деревень, промышленных объектов.

Необходимыми условиями трансформации побратимских связей и придания им большего экономического содержания являются:

- формирование экспортоориентированного сектора малого и среднего бизнеса, деятельность которого базируется на региональных ресурсах и местных культурных традициях;
- организация с участием импакт-инвесторов стартапов для молодежи, представителей малого и среднего бизнеса из регионов стран-участниц ЕАЭС новых направлений бизнеса, основанных на культурных традициях, являющихся основой для местных проектов и стимулом для международного сотрудничества;

⁶ URL: www.by.undp.org/content/dam/belarus/docs/NORCH_final.pdf?download.

- вхождение местных органов власти в ассоциации регионов, городов, получивших развитие на евразийском пространстве, особенно в России; использование этих площадок для повышения образования депутатов корпуса, представителей местных органов власти, изучения лучших зарубежных практик;
- дальнейшая активизация общественных связей между регионами на уровне институтов гражданского общества.

Предложенные организационно-правовые формы межрегионального (приграничного) сотрудничества отражают два тесно связанных и взаимодополняемых процесса: с одной стороны, реализация интеграционной политики Беларуси со странами-членами ЕАЭС на региональном уровне, с другой – региональное развитие с опорой на интеграционный фактор. Рассмотрение экономической интеграции в двух форматах позволяет выстроить более четкий механизм регулирования межрегиональных связей регионов, определить зону ответственности органов управления. Их практическая реализация на основе предложенных акселераторов нацелена на усиление рыночной основы и инновационный характер интеграционных связей; увязывает меж-

региональные связи с достижением целей устойчивого развития и регионального роста; придает экономический характер побратимским связям на основе развития культурных индустрий и др. Все это укрепит основу участия регионов в экономической интеграции ЕАЭС, что представляется чрезвычайно важным в условиях доминирования в интеграционных связях крупного бизнеса, прежде всего в сырьевой сфере экономики.

ЛИТЕРАТУРА

Залесский Б., Вальковский М., Мостовой А. *Беларусь-Россия: дипломатия городов.* 2013. – Минск: Бизнесофсет.

Вергинская Т.С. 2018. *Теоретические и практические основы экономической интеграции регионов стран-членов ЕАЭС: на примере участия Республики Беларусь.* Минск: Беларуская навука. С. 246.

Под брендом «Сделано в Беларуси». 2017. *Конъюнктура рынков.* № 4. С.21–25.

Сморозинская Н.В. 2014. Сетевые инновационные экосистемы и их роль в динамизации экономического роста. *Инновации.* № 7. С. 27–33.

Сморозинская Н.В. 2015. *Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу.* Москва: Институт экономики РАН.

Соловьев В.П. (ред.). 2015. *Инновационное развитие регионов Беларуси и Украины на основе кластерной сетевой формы.* Минск: Беларуская навука.

Статья поступила 2.05.2018 г.

БЮДЖЕТНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЕКТА И ЕЕ ОЦЕНКА

Голикова А.С.

Оценка эффективности инвестиционных проектов на протяжении длительного времени не ограничивается только определением целесообразности их реализации и величиной полученного экономического эффекта для инициатора проекта. На постсоветском пространстве наибольшее применение получила двухэтапная оценка эффективности проектов, которая включает как общую оценку проекта в целом, так и конкретную оценку участия в его реализации каждого участника (Коссов, Лившиц, Шахназаров, 2000). Первый этап заключается в оценке общественной и коммерческой эффективности, основной задачей которой является определение потенциальной привлекательности проекта для возможных участников и поиск источников финансирования. Второй этап оценки проводится с целью проверки реализуемости инвестиционного проекта и заинтересованности в нем всех его участников. В качестве участника инвестиционного проекта также выступает государство при реализации различных форм финансового участия в нем. Было введено понятие бюджетной эффективности – эффективности участия государства в инвестиционном проекте с точки зрения расходов и доходов бюджетов всех уровней (Коссов, Лившиц, Шахназаров, 2000. С. 16).

Зарубежными экономистами оценка эффективности участия государства в реализации ин-

вестиционных проектов проводится в рамках анализа выгод и затрат, причем можно выделить два основных подхода. Первый из них состоит в оценке эффективности государственного участия в реализации инвестиционного проекта, проводимого в рамках финансового анализа, т.е. учете только реальных денежных потоков для определения достаточности денежных средств для финансирования проекта (Jenkins, Kuo, Harberger, 2011; Tham, 2009; Donahue (ed.), 1981). Второй подход направлен на оценку влияния проекта на государственный бюджет, проводимую в рамках анализа заинтересованных сторон¹ (Belli P. at al., 2001) и основанную на построении матрицы стейкхолдеров, в которой учитываются все выгоды и затраты, возникающие у заинтересованных групп стейкхолдеров (Campbell, Brown, 2003).

Анализ выгод и затрат не позволяет отразить следующие особенности государственного финансового участия в реализации инвестиционных проектов:

1) способы оказания поддержки для реализации проектов со стороны бюджетов различных уровней бюджетной системы ограничиваются предоставлением субсидий, в то время как не учитываются возможности предоставления:

а) налоговых льгот и льготных налоговых режимов предприятиям, реализующим инвестиционные проекты;

б) гарантий государственными органами управления по кредитам, выдаваемым в рамках реализации проекта;

¹ Под анализом заинтересованных сторон в данной статье мы будем понимать определение положительного или отрицательного эффекта для стейкхолдеров, выраженного в денежных единицах, на которых реализация проекта оказывает прямое или косвенное влияние. Принято выделять шесть основных групп стейкхолдеров, или заинтересованных сторон: владельцы предприятия, реализующего инвестиционный проект, работники предприятия, правительство / государство, потребители товаров, производимых в рамках реализации проекта, поставщики сырья и материалов для производства товаров и кредиторы, предоставившие денежные средства для реализации проекта (Asian Development Bank, 1997. P. 46).

ОБ АВТОРЕ

**ГОЛИКОВА
Анна Сергеевна**
(anna.golikova@mail.ru),
ассистент кафедры финансов
Полесского государственного
университета
(г. Пинск, Беларусь).
Сфера научных интересов:
оценка эффективности
инвестиционных проектов;
традиционные и альтернативные
финансовые рынки.

в) грантов и иных прямых способов финансирования проектов из бюджетов;

2) расчеты, определяющие влияние на государственный бюджет, не позволяют в результате существующих различий между теневым и рыночным валютными курсами разделить притоки и оттоки денежных средств, возникающие у различных заинтересованных сторон;

3) недооцененность (переоцененность) валюты полностью отражается на качестве выгод (или затрат) государственного бюджета, в то время как единственным результатом данного процесса является прирост или снижение получаемых государственным бюджетом сумм налогов и пошлин с экспортируемых или импортируемых товаров и услуг.

Для оценки бюджетной эффективности используется ряд показателей, характеризующих эффективность участия государства в реализации инвестиционного проекта. Следует отметить, что не существует единого подхода к выбору показателей, используемых для оценки эффективности государственного финансового участия в реализации инвестиционного проекта.

Рассмотрим базовые подходы к расчету и оценке используемых показателей бюджетной эффективности инвестиционных проектов.

1. Показатель бюджетного эффекта (1) определяется для каждого года (или шага) реализации инвестиционного проекта как разность доходов, поступающих в бюджеты различных уровней, и расходов, направленных на оказание государственной финансовой поддержки для осуществления проекта:

$$BCF_t = BR_t - BE_t, \quad (1)$$

где BCF_t (*budget cash flow*) – бюджетный эффект t -го года осуществления проекта;

BR_t (*budget revenues*) – доходы соответствующего бюджета t -го года осуществления проекта;

BE_t (*budget expenditures*) – расходы соответствующего бюджета t -го года осуществления проекта;

t – годы реализации проекта ($t = 1, 2, \dots$).

Проект признается эффективным при условии, что бюджетный эффект на каждом шаге реализации проекта будет больше нуля, что не

всегда возможно, особенно на начальном этапе, когда суммы предоставляемой государственной поддержки могут значительно превышать отчисления, производимые предприятием в бюджеты различных уровней бюджетной системы.

2. На основе рассчитываемых годовых бюджетных эффектов определяется чистый дисконтированный доход бюджета (или так называемый интегральный бюджетный эффект) (2), порядок вычисления которого основывается на расчете чистого дисконтированного дохода, определяемого при оценке коммерческой (финансовой) эффективности инвестиционного проекта:

$$BNPV = \sum_{t=1}^T \frac{BCF_t}{(1+r)^t}, \quad (2)$$

где $BNPV$ (*budget net present value*) – чистый дисконтированный доход бюджета;

T – срок реализации инвестиционного проекта, лет;

r – ставка дисконтирования.

Проект эффективен для бюджета, если полученный показатель больше нуля, однако в отдельных случаях к реализации могут рекомендоваться проекты с отрицательным значением чистого дисконтированного дохода бюджета (Коссов, Лившиц, Шахназаров, 2000), что возможно, по нашему мнению, только для инфраструктурных проектов: проекты, реализуемые на коммерческих предприятиях в целях производства товаров и предоставления услуг, на которые устанавливаются рыночные цены, должны приносить дополнительные поступления в бюджеты всех уровней бюджетной системы. Не всеми экономистами принимается обоснованность расчета и анализа показателя чистого дисконтированного дохода бюджета. В частности, Р.М. Мельников (2015. С.27) отмечает: «При расчете чистого дисконтированного дохода бюджета от реализации проекта не учитывается возможность избыточности оказания государственной поддержки, которая принимается во внимание в некоторых зарубежных методиках оценки эффективности субсидирования приоритетных проектов».

3. Внутренняя норма бюджетной эффективности (3) является такой ставкой доходности, при которой чистый дисконтированный доход бюджета будет равен нулю:

$$\sum_{t=0}^T \frac{BR_t - BE_t}{(1 + BIRR)^t} = \sum_{t=0}^T \frac{I_t}{(1 + BIRR)^t}, \quad (3)$$

где I_t – капиталовложения t -го года в реализацию проекта;

$BIRR$ (*budget internal rate of return*) – внутренняя норма бюджетной эффективности.

Порядок определения данного показателя аналогичен расчету внутренней нормы доходности. Во всех предлагаемых способах расчета экономистами не выделяются критерии эффективности, что не позволяет делать выводы о бюджетной эффективности инвестиционного проекта на основе данного показателя. К тому же применение ставки дисконтирования, используемой для расчетов коммерческой эффективности, лишает возможности при сравнении с внутренней нормой бюджетной эффективности сделать какие-либо информативные выводы: зачастую высокие значения данного показателя оцениваются как сигнал о выгоды государственного участия в проекте (Новикова, 2005), хотя на самом деле не несут экономического смысла.

4. Информативными являются показатели сроков окупаемости бюджетных затрат (как простой, так и дисконтированный), поскольку отражают период времени, в течение которого в виде налогов и иных поступлений в бюджеты различных уровней будут возмещены государственные расходы на финансирование инвестиционного проекта. Окупаемость государственной поддержки проекта (простая и дисконтированная) является единственным показателем, используемым для оценки государственного участия в реализации инвестиционного проекта в соответствии с белорусскими Правилами по разработке бизнес-планов инвестиционных проектов². Формулы расчета простой и дисконтированной окупаемости государственной поддержки в документе не представлены, поскольку их вычисление аналогично определению сроков окупаемости инвестиций.

5. Степень финансового участия государства (региона) в реализации проекта (4) позволяет

² Постановление Министерства экономики Республики Беларусь от 31.08.2005 г. № 158 "Об утверждении Правил по разработке бизнес-планов инвестиционных проектов" (в ред. постановления Министерства экономики Республики Беларусь от 22.08.2016 г. № 53) (далее - Постановление № 158).

определить долю государственных средств, выделенных на проект, в общей сумме вложенных в его реализацию денежных средств:

$$d_{gov} = \frac{\sum_{t=1}^T BE_t}{\sum_{t=1}^T I_t}, \quad (4)$$

где d_{gov} – степень финансового участия государства (региона) в реализации проекта.

Очевидно, что цель данного показателя – проанализировать ситуацию и выяснить, не являются ли денежные средства единственным источником финансирования инвестиционного проекта, а также не занимают ли они основную долю в общей сумме всех инвестиций, что чревато как снижением эффективности, так и ростом конкуренции в финансируемой отрасли или сфере.

6. Индекс бюджетной эффективности. Если исходить из того, что данный показатель рассчитывается на основе индекса рентабельности (*profitability index*), то определяться он должен как отношение чистого дисконтированного дохода бюджета к сумме инвестированных в проект денежных средств государства, приведенных к текущему моменту времени (5):

$$BPI = \frac{BNPV}{\sum_{t=1}^T \frac{BE_t}{(1+r)^t}}, \quad (5)$$

где BPI – коэффициент удельной бюджетной эффективности.

Однако в нормативно-правовых актах Российской Федерации^{3,4} и научных работах (Бати-

³ Постановление Правительства РФ от 01.03.2008 г. № 134 "Об утверждении Правил формирования и использования бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда Российской Федерации" (в ред. постановления Правительства РФ от 23.12.2016 г. № 1465).

⁴ Постановление Правительства РФ от 03.01.2014 № 3 "Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским организациям на компенсацию части затрат на уплату процентов по кредитам, полученным в российских кредитных организациях в 2014-2016 годах на реализацию новых комплексных инвестиционных проектов по приоритетным направлениям гражданской промышленности в рамках подпрограммы "Обеспечение реализации государственной программы" государственной программы Российской Федерации "Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности" (в ред. постановления Правительства РФ от 06.04.2018 г. № 418).

щева, 2011) указывается на методические упущения, снижающие информативность рассчитываемого показателя.

Индекс бюджетной эффективности при использовании показателя дисконтированных доходов бюджета должен быть более единицы, т.е. показатель чистого дисконтированного дохода бюджета должен полностью покрывать расходы государства на его финансирование.

По результатам проведенного анализа нами были выявлены некоторые особенности рассчитываемых показателей бюджетной эффективности, не позволяющие методически верно оценить эффективность государственного финансового участия в реализации проектов:

- в расчетах показателей эффективности не учитывается такая форма участия, как снижение ставки по налогу или освобождение от уплаты налога, что завышает эффективность участия в реализации инвестиционного проекта;
- не всегда рассчитывается влияние реализации инвестиционного проекта на бюджеты различных уровней бюджетной системы, зачастую оценка проводится для всех ее уровней;
- не соблюдаются принципы эффективности государственного финансового участия в реализации инвестиционного проекта (Голикова, 2017а);
- влияние на бюджеты изменения списочной численности работников предприятия в результате реализации инвестиционного проекта включается в расчет показателя бюджетной эффективности в виде влияния только на государственный внебюджетный Фонд социальной защиты населения Республики Беларусь (далее – ФСЗН РБ). При этом изменение поступлений в бюджеты и ФСЗН, осуществляемые работниками данного предприятия, исключается.

С учетом изложенного мы предлагаем разделить систему показателей бюджетной эффективности на три группы:

1 группа – показатели бюджетной эффективности, расчет по которым основан на учете ре-

альных денежных потоков⁵, возникающих между предприятием и бюджетами различных уровней, а также внебюджетными фондами;

2 группа – показатели бюджетной эффективности, расчет по которым основан на учете не только реальных денежных потоков, но и недопоступающих в республиканский и местные бюджеты средств за счет влияния выпадающих доходов⁶ и утраченного дополнительного эффекта⁷.

3 группа – показатели бюджетной эффективности, отображающие экономический эффект на бюджеты и ФСЗН РБ в результате изменения списочной численности работников.

Создание первых двух групп показателей бюджетной эффективности позволит учесть влияние недопоступающих в бюджеты различных уровней денежных средств, соблюдая при этом не только принципы оценки эффективности инвестиционных проектов, но и принимая во внимание особенности отражения государственного финансового участия в его реализации. Нами также рекомендуется для оценки влияния проекта на бюджеты всех уровней бюджетной системы рассчитывать показатели бюджетной эффективности для республиканского бюджета, местных бюджетов и в целом для бюджетов всех уровней бюджетной системы и внебюджетных централизованных инвестиционных фондов. Для оценки эффективности государственного финансового участия мы предлагаем рассчитывать такие показатели бюджетной эффективности, как чистый дисконтированный доход государства, индекс бюджетной эффективности и срок окупаемости государственной поддержки.

⁵ К реальным денежным потокам мы относим формы прямого финансового участия государства в реализации инвестиционного проекта: предоставление субсидий, грантов и т.п.

⁶ Выпадающие доходы - суммы денежных средств, недопоступившие в республиканский и / или местные бюджеты в виде налогов и неналоговых платежей в результате предоставления льгот по их уплате предприятию, которое реализует инвестиционный проект.

⁷ Потерянный дополнительный эффект - сумма денежных средств, недопоступающих в республиканский или местные бюджеты в результате недостаточности генерируемых сумм налога на прибыль в сравнении с предполагаемыми дополнительными эффектами для республиканского или местных бюджетов, возникающими в результате предоставления определенных форм государственной финансовой поддержки. Более подробно о методике расчета выпадающих доходов и потерянного дополнительного эффекта см. (Голикова, 2017б).

Так, показатель чистого дисконтированного дохода государства будет рассчитываться для двух уровней бюджетов – республиканского и местных, а также в целом по бюджетной системе в виде чистого дисконтированного совокупного дохода. В общем виде расчет данного показателя может быть представлен по формуле 2 как сумма сальдо денежных потоков одного из уровней бюджета (или бюджетов всех уровней бюджетной системы и внебюджетных централизованных инвестиционных фондов), приведенная с помощью коэффициента дисконтирования к единому моменту времени.

Отличие чистого дисконтированного дохода государства, рассчитанного по реальным денежным потокам, от чистого дисконтированного дохода, скорректированного на сумму недопоступающих доходов, будет состоять в учете выпадающих доходов бюджетов всех уровней бюджетной системы, а также потерянного дополнительного эффекта республиканского или местных бюджетов. Общая формула расчета последнего показателя имеет вид:

$$BNPV^{B_{(CF;LR)}} = \sum_{t=1}^T \frac{BCF_t^{B_{(CF;LR)}}}{(1+r)^t}, \quad (6)$$

где $BNPV^{B_{(CF;LR)}}$ – чистый дисконтированный доход бюджета(ов) (по реальным потокам и недополученным доходам бюджета(ов));

$BCF_t^{B_{(CF;LR)}}$ – сальдо денежного потока бюджета(ов) t -го года реализации проекта (по реальным потокам и недополученным доходам бюджета(ов)), которое рассчитывается по формуле 7:

$$BCF_t^{B_{(CF;LR)}} = BR_t^B - BE_t^B - LR_t^B - LAE_t^B, \quad (7)$$

где LR_t^B – выпадающие доходы бюджета(ов) t -го года реализации проекта;

LAE_t^B – потерянный дополнительный эффект бюджета(ов) t -го года реализации проекта.

Показатели чистого дисконтированного дохода, рассчитанные только с учетом реальных денежных потоков и скорректированные на сумму недопоступающих доходов, должны быть сопоставлены между собой при проведении оценки эффективности государственного финансово-

го участия. Сумма денежных средств, на которую различаются сопоставляемые показатели, характеризует влияние выпадающих доходов и потерянного дополнительного эффекта на показатель эффективности дохода для бюджетов всех уровней бюджетной системы и внебюджетных централизованных инвестиционных фондов.

Для коммерчески эффективных проектов чистый дисконтированный доход государства должен быть больше нуля, и это означает, что сумма генерируемых дополнительных поступлений в бюджет(ы) от предприятия, реализующего и инвестиционный проект, превышает бюджетные расходы. Если чистый дисконтированный доход меньше нуля, то сумма зачисляемых в бюджет(ы) денежных средств недостаточна для покрытия расходов из бюджета(ов), выделенных на реализацию инвестиционного проекта анализируемого предприятия.

Возможны следующие комбинации показателей чистого дисконтированного дохода по инвестиционному проекту:

$$1) BNPV^{RB} > 0; BNPV^{LB} > 0; BNPV > 0,$$

где $BNPV^{RB}$ – чистый дисконтированный доход республиканского бюджета;

$BNPV^{LB}$ – чистый дисконтированный доход местных бюджетов;

$BNPV$ – чистый дисконтированный совокупный доход.

Если все показатели чистого дисконтированного дохода государства превышают ноль, то проект является эффективным для бюджетов всех уровней бюджетной системы Республики Беларусь;

$$2) BNPV^{RB} < 0; BNPV^{LB} > 0; BNPV > 0,$$

или $BNPV^{RB} > 0; BNPV^{LB} < 0; BNPV > 0$.

При такой комбинации показателей проект является эффективным только для бюджетов одного уровня бюджетной системы, но положительный бюджетный эффект, создаваемый на одном уровне бюджетной системы, покрывает издержки, которые несет бюджет другого уровня, что в результате дает положительное значение чистого дисконтированного совокупного дохода;

$$3) BNPV^{RB} < 0; BNPV^{LB} > 0; BNPV < 0,$$

или $BNPV^{RB} > 0; BNPV^{LB} < 0; BNPV < 0$.

Данная комбинация показателей свидетельствует: если положительный бюджетный эффект для одного из уровней бюджетной системы не

покрывает отрицательный бюджетный эффект для второго, то чистый дисконтированный совокупный доход будет меньше нуля и финансовое участие государства в реализации данного проекта экономически неэффективно;

$$4) BNPV^{RB} < 0; BNPV^{LB} < 0; BNPV < 0.$$

Значение чистого дисконтированного дохода, которое меньше нуля для бюджетов всех уровней бюджетной системы, указывает на отсутствие достаточно сгенерированных отчислений, способных покрыть издержки государства, понесенные при финансовом участии в его реализации.

Индекс бюджетной эффективности определяется как отношение чистого дисконтированного дохода, рассчитанного для бюджета определенного уровня или для бюджетной системы в целом, к расходам бюджета соответствующего уровня, приведенных к определенному моменту времени (общая формула расчета – формула 5).

В формуле расчета индекса бюджетной эффективности, определенного с учетом недопоступающих доходов, в знаменателе к единому моменту времени приводятся сумма расходов бюджетов различных уровней бюджетной системы, выпадающие доходы и потерянный дополнительный эффект республиканского или местных бюджетов (формула 8).

$$BPI^{B(CF:LR)} = \frac{BNPV^{B(CF:LR)}}{\sum_{t=1}^T \frac{BE_t^B + LR_t^B + LAE_t^B}{(1+r)^t}}, \quad (8)$$

где $BPI^{B(CF:LR)}$ – индекс бюджетной эффективности (по реальным потокам и недополученным доходам бюджета).

Индекс бюджетной эффективности позволяет определить, во сколько раз чистый дисконтированный доход государства будет превышать (или будет меньше) расходы, понесенные из бюджетов всех уровней бюджетной системы. Рекомендуемое значение – данный показатель должен быть больше нуля. Индекс бюджетной эффективности может принимать как положительные, так и отрицательные значения. Если показатель меньше нуля, это означает, что реализация инвестиционного проекта не приводит к дополнительным поступлениям в бюджеты, но уменьшает суммы бюджетных поступлений.

Положительное значение индекса бюджетной эффективности указывает на создание дополнительного дохода для различных бюджетов от реализации инвестиционного проекта.

Сопоставление индекса бюджетной эффективности, рассчитанного по реальным денежным потокам и скорректированного на сумму выпадающих доходов и потерянного дополнительного эффекта, позволяет определить степень снижения поступления в бюджеты по уровням бюджетной системы и в целом за счет влияния недопоступающих доходов.

Третьим показателем, используемым для оценки бюджетной эффективности инвестиционного проекта, является срок окупаемости государственной финансовой поддержки. В отличие от чистого дисконтированного дохода государства и индекса бюджетной эффективности, данный показатель рассчитывается в целом для всех уровней бюджетной системы.

Расчет показателя окупаемости государственной финансовой поддержки будет осуществляться в соответствии с Правилами по разработке бизнес-планов инвестиционных проектов⁸ с одной лишь разницей, что при расчете срока окупаемости государственной поддержки расходами бюджетов могут выступать выпадающие доходы и потерянный дополнительный эффект республиканского и местных бюджетов. Срок окупаемости отображает минимальный планируемый период времени, за который расходы бюджетов всех уровней бюджетной системы будут возмещены, в том числе в виде выпадающих доходов и потерянного дополнительного эффекта.

Реализация инвестиционного проекта в значительной степени может оказывать влияние на численность работников предприятия. Так, приобретение технологически более совершенного оборудования приведет к сокращению количества работников, задействованных в процессе производства товаров и услуг. Строительство нового предприятия потребует привлечения трудовых ресурсов для обслуживания станков и оборудования. Изменение данного показателя также сказывается на снижении / увеличении поступлений в бюджеты всех уровней бюджетной системы, а также ФСЗН. По нашему мнению, бюджетные денеж-

⁸ Постановление № 158

ные потоки, связанные с изменением количества работников на предприятии в результате реализации инвестиционного проекта, должны быть учтены отдельно в виде определения экономического эффекта, в котором будет учитываться изменение поступлений (расходов) бюджетов различных уровней бюджетной системы и ФСЗН, обусловленное влиянием реализации проекта на изменение списочной численности работников на предприятии.

Необходимость оценки экономического эффекта от реализации проекта определяется рядом факторов. В первую очередь это связано с учетом в инвестиционном анализе (в частности, в анализе бюджетной эффективности) одних денежных потоков и недоучтенностью других. Так, в белорусских Правилах⁹ нет прямых указаний по учету изменения поступлений, связанных с сокращением или увеличением численности работников на предприятии. При использовании шаблонов для расчета показателей эффективности в расчет налоговых поступлений включаются доходы ФСЗН, который относится к расширенному бюджету – бюджету сектора государственного управления. Однако в таком случае дополнительно не учитываются отчисления, производимые в ФСЗН работником предприятий в размере 1% от заработной платы.

В.В. Коссовым, В.Н. Лившицем и А.Г. Шахназаровым (2000) отмечается необходимость учета поступлений в бюджеты различных уровней бюджетной системы, таких как подоходный налог, пособие по безработице, отчисления в пенсионный фонд, однако тем самым происходит смешение выплат, осуществляемых за счет предприятия, и выплат, по которым предприятие выступает в качестве налогового агента.

Оценка влияния проекта на количество дополнительно привлекаемых или сокращаемых работников предприятия и как следствие – на бюджеты всех уровней бюджетной системы и государственный внебюджетный Фонд социальной защиты населения позволит определить:

- а) суммы дополнительных отчислений в ФСЗН (работодателя и работника);
- б) суммы отчислений подоходного налога в местные бюджеты;
- в) выплаты пособий по безработице работникам, уволенным в ходе реализации инвестици-

⁹ Постановление № 158.

онного проекта за счет оптимизации трудовых ресурсов.

Представим порядок расчета для оценки влияния проекта на поступление бюджетных средств в рамках определения экономического эффекта от изменения списочной численности работников в результате реализации инвестиционного проекта.

Изменение поступлений в ФСЗН (SE_t^{SI}) будет определяться по формуле (9):

$$SE_t^{SI} = \sum_{t=1}^T \Delta WF_t \times t_{SI}, \quad (9)$$

где t_{SI} – установленная ставка по отчислениям в ФСЗН РБ (работников и нанимателей предприятия);

ΔWF_t – прирост/снижение фонда оплаты труда в периоде t , который рассчитывается по формуле (10):

$$\Delta WF_t = \Delta Emp \times W_t, \quad (10)$$

где ΔEmp – прирост/снижение количества нанятых/уволенных работников предприятия;

W_t – заработная плата нанятых/уволенных работников предприятия в периоде t .

При увеличении списочной численности работников предприятия изменение ФСЗН РБ будет определяться как прирост количества персонала за определенный период времени t с учетом и без учета реализации проекта, умноженный на среднемесячную заработную плату, а также установленную ставку отчислений в ФСЗН на обязательное страхование и в пенсионный фонд за 12 месяцев.

При уменьшении списочной численности работников предприятия изменение поступлений в ФСЗН определяется как снижение количества персонала за определенный период времени t с учетом и без учета реализации проекта, умноженное на среднемесячную заработную плату, установленную ставку отчислений в ФСЗН на обязательное страхование и в пенсионный фонд за 6 месяцев. Сокращение количества месяцев до 6 при сокращении списочной численности работников предприятия в первую очередь продиктовано периодом выплаты из государственного бюджета пособия по безработице. Кроме того, уместно предположить, что в течение шестимесячного периода уволенный работник найдет иное место работы, вследствие чего возобновятся отчисления в бюджеты и ФСЗН в

виде налоговых поступлений и взносов на пенсионное и социальное страхование.

Изменение поступлений подоходного налога в местные бюджеты в результате реализации проекта (SE_{it}^{IT}) определяется по формуле (11):

$$SE_{it}^{IT} = \sum_{t=1}^T \Delta W F_t \times t_{income}, \quad (11)$$

где t_{income} – ставка подоходного налога;

$\Delta W F_t$ – прирост/снижение фонда оплаты труда в период t .

При увеличении списочной численности работников предприятия изменение поступлений сумм подоходного налога в местные бюджеты определяется как абсолютный прирост количества персонала за определенный период времени t с учетом и без учета реализации проекта, умноженный на среднемесячную заработную плату, ставку подоходного налога за 12 месяцев. При уменьшении списочной численности работников предприятия изменение поступлений сумм подоходного налога в местные бюджеты определяется как абсолютное снижение количества персонала за определенный период времени t с учетом и без учета реализации проекта, умноженное на среднемесячную заработную плату и ставку подоходного налога за 6 месяцев.

Дополнительные расходы из бюджетов различных уровней бюджетной системы на выплату пособий по безработице возникают при сокращении количества списочной численности работников в результате реализации инвестиционного проекта и определяются по формуле (12):

$$SE_{it}^{UB} = \sum_{t=1}^T Emp_{red} \times UB \times M, \quad (12)$$

где EMP_{red} – количество уволенных работников в период t ;

UB – месячная сумма пособия по безработице;

M – количество месяцев, в течение которых выплачивается пособие по безработице (в Беларуси – 6).

При уменьшении списочной численности работников предприятия дополнительные расходы бюджетов на выплату пособий по безработице будут рассчитываться как абсолютное снижение количества персонала за определенный пе-

риод времени t с учетом и без учета реализации проекта, умноженное на месячную сумму пособия по безработице на 6 месяцев.

По третьей группе рекомендуется использовать следующие показатели: дисконтированный бюджетный эффект от изменения средней списочной численности работников, в котором учитываются изменение поступлений в ФСЗН, изменение поступлений подоходного налога в местные бюджеты, дополнительные расходы из бюджетов на выплату пособий по безработице, скорректированные на показатель коэффициента дисконтирования (13):

$$DBE = \sum_{t=1}^T \frac{SE_{it}^{SI} + SE_{it}^{IT} + SE_{it}^{UB}}{(1+r)^t}, \quad (13)$$

где DBE – дисконтированный бюджетный эффект от изменения списочной численности работников по инвестиционному проекту;

SE_{it}^{SI} – изменение суммы поступлений в государственный внебюджетный Фонд социальной защиты населения Республики Беларусь в период t ;

SE_{it}^{IT} – изменение суммы поступлений подоходного налога в местные бюджеты в результате реализации проекта в период t ;

SE_{it}^{UB} – дополнительные расходы из бюджетов на выплату пособий по безработице.

Положительное значение данного показателя указывает на дополнительные поступления в республиканский и местные бюджеты и ФСЗН, отрицательное – снижение сумм поступлений в ходе реализации проекта за счет уменьшения/дополнительного привлечения работников предприятия.

Мультипликатор бюджетного эффекта от изменения списочной численности работников (M_{BE}) определяется как отношение суммы дисконтированного бюджетного эффекта и дисконтированной величины сальдо по реальным денежным потокам и недопоступившим денежным средствам к дисконтированной величине сальдо по реальным денежным потокам и недопоступившим денежным средствам (формула 14):

$$M_{BE} = \frac{DBE_t + \sum_{t=1}^T BCF_t^{(CF;LR)}}{\sum_{t=1}^T BCF_t^{(CF;LR)}}, \quad (14)$$

где $BCF_t^{(CF;LR)}$ – сальдо денежного потока t -го года реализации проекта (по реальным потокам и недополученным доходам республиканского, местных бюджетов и государственного внебюджетного Фонда социальной защиты населения);

DVE_t – дисконтированный бюджетный эффект от изменения списочной численности работников.

Рекомендуемым значением мультипликатора бюджетного эффекта является величина больше единицы. Данный показатель позволяет проанализировать, сколько денежных единиц дополнительно генерирует («съедает») реализация проекта отчислений в государственный бюджет и ФСЗН, произведенных за счет изменения списочной численности работников, на единицу дополнительных поступлений в бюджеты всех уровней бюджетной системы и ФСЗН Республики Беларусь от предприятия.

Таким образом, результаты проведенного анализа позволили выделить два основных подхода к оценке участия государства в реализации инвестиционного проекта, а также особенности в определении и недостатки в расчетах. Для оценки эффективности участия государства в реализации инвестиционного проекта мы предлагаем использовать три группы показателей бюджетной эффективности: при расчете первой группы показателей – только реальные денежные потоки; второй – реальные денежные потоки, скорректированные на сумму недопоступающих доходов в бюджеты в виде выпадающих доходов и потерянного дополнительного эффекта. Цель третьей группы показателей – оценить воздействие экономического эффекта на бюджеты и ФСЗН Республики Беларусь в результате изменения среднесписочной численности работников при реализации проекта. Для оценки влияния на бюджеты различных уровней реализации инвестиционного проекта предлагается рассчитывать показатели бюджетной эффективности для республиканского бюджета, местных бюджетов и для бюджетной системы в целом. Это позволит оценить влияние реализации инвестиционного проекта на бюджеты различных уровней, учесть

в инвестиционном анализе недопоступающие доходы бюджетов, которые возникают при предоставлении некоторых форм государственной финансовой поддержки, а также отдельно оценить влияние на бюджеты и ФСЗН изменения списочного состава работников предприятия.

ЛИТЕРАТУРА

Батищева С.М. 2011. Методологія аналізу ефективності бюджетних капітальних вкладень. *Економічний вісник Донбасу*. № 2. С. 110–114.

Голикова А.С. 2017а. Механизмы государственного участия в реализации инвестиционных проектов. *Белорусский экономический журнал*. №1. С. 49–55.

Голикова А.С. 2017b. Учет бюджетных составляющих для расчетов показателей эффективности государственного участия в реализации инвестиционных проектов. *Экономика глазами молодых: материалы X Международного экономического форума молодых ученых*. Минск, 22–24 сентября 2017 г. БГЭУ. Г.А. Короленок (ред.). С. 275–279.

Коссов В.В., Лившиц В.Н., Шахназаров А.Г. 2000. *Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов*. Москва: ОАО «НПО «Издательство «Экономика».

Мельников Р.М. 2015. Критерии отбора приоритетных проектов для оказания поддержки за счет бюджетных ресурсов и пути их совершенствования. *Финансы*. № 1. С. 25–30.

Новикова Т.С. 2005. *Взаимодействие финансов государства и предприятий: анализ общественной эффективности инвестиционных проектов*. Новосибирск: Новосибирский государственный университет.

Belli P. (at al.) 2001. *Economic analysis of investment operations: analytical tools and practical applications*. Washington: World Bank.

Campbell H.F., Brown R.P.C. 2003. *Benefit-Cost Analysis*. Financial and Economic Appraisal Using Spreadsheets. Cambridge: Cambridge University Press.

Donahue J.D. (ed.). 1981. *Cost-Benefit Analysis and Project Design*. Bloomington: PASITAM.

Jenkins G.P., Kuo C.Y.K., Harberger A.C. 2011. *Cost-Benefit Analysis for Investment Decisions* (manuscript). Agrilinks, March, 1. URL: https://www.agrilinks.org/sites/default/files/resource/files/cost-benefit_analysis_for_investment_decisions.pdf.

Tham J. 2009. *USAID / India Reform Project Compendium with Practitioners' Guide*. State Fiscal Management Reform. Volume 5. URL: http://ncrpb.nic.in/toolkits_comp_A&C/toolkits_file/E3_USAID%20Project%20Appraisal_%2026%20Mar%202009.pdf.

Статья поступила 28.06.2018 г.

Берченко Н.Г.

Реализация целей устойчивого развития на региональном уровне: проблемы и пути решения

Статья посвящена вопросам реализации целей устойчивого развития, содержащихся в Повестке дня-2030, принятой государствами-членами ООН в 2015 г. Рассмотрены проблемы, препятствующие их успешной реализации на региональном уровне в Республике Беларусь. Предложены подходы к преодолению этих проблем через построение целостной системы управления процессом устойчивого развития на уровне регионов страны, включая определение, горизонтальную и вертикальную интеграцию приоритетов развития с их закреплением в стратегических документах регионального уровня; организационное обеспечение с вовлечением и учетом интересов всех участников; разработку комплекса индикаторов и порядка их мониторинга; внедрение принципов принятия управленческих и бизнес-решений, соответствующих критериям устойчивого развития.

Гончар Е.А., Белоусов А.В., Чемердовская М.Б., Ланкуть Е.А., Митрофанов В.А.

Национальные программы зарубежных стран: реализация целей Повестки дня-2030

Рассматриваются подходы к реализации целей устойчивого развития Повестки дня - 2030 в национальных программах экономически развитых зарубежных государств. Отмечается, что национальные стратегии и программы по обеспечению устойчивого развития, принятые после утверждения Повестки дня - 2030, прямо или косвенно в различной степени отражают положения документа ООН. Это свидетельствует о намерении стран гарантировать достойную жизнь каждому человеку, обеспечить возможности для экономического развития, защиты природных ресурсов и укрепления международного сотрудничества.

Иванов М.Б.

Проблемы устойчивого развития экономики Брестской области

В статье проанализирован рост валового регионального продукта Брестской области в 2017 г. в отраслевом разрезе, показаны ключевые факторы, стимулирующие и препятствующие росту в рассматриваемых отраслях. Сделан вывод о наметившейся тенденции устойчивого роста ВРП, дана оценка итогов 2018 г. Обозначены предварительные прогнозы на 2019 г.

Ковалевская А.А., Тютюков А.Н.

Крупные города как объекты региональной политики

Дан анализ роли крупных городов в социально-экономическом развитии Республики Беларусь, выявлены их потенциальные конкурентные преимущества и проблемы развития на современном этапе. Предлагаются меры по повышению эффективности использования ресурсов крупных городов как локомотивов роста экономики страны, а также стимулированию развития городов-спутников столицы и областных центров.

Вертинская Т.С.

Организационно-правовые формы межрегиональных связей Беларуси со странами-членами ЕАЭС

Выявлены проблемы действующей практики участия регионов Беларуси в экономической интеграции ЕАЭС. Предложены две формы межрегионального (приграничного) сотрудничества Беларуси со странами-членами ЕАЭС, раскрыты их особенности и различия. Обосновано использование следующих акселераторов интеграционных связей регионов в ЕАЭС: углубление региональной специализации, формирование точек интеграционного роста в регионах, создание цифровых территорий, социальное инвестирование, придание экономического характера сотрудничеству местных сообществ. Сделан вывод о потенциальной возможности получения дополнительных эффектов интеграции регионов в единое экономическое пространство ЕАЭС с учетом реализации предложенных подходов.

Голикова А.С.

Бюджетная эффективность инвестиционного проекта и ее оценка

В статье рассмотрены подходы к оценке участия государства в финансировании инвестиционных проектов предприятий. На основе критического анализа преимуществ и недостатков применяемых в настоящее время в расчетах показателей и методов автором для оценки бюджетной эффективности инвестиционных проектов предложена уточненная система показателей и методы оценки, позволяющие определить бюджетную эффективность проекта в целом и каждого участника, оценить влияние реализованного проекта на бюджеты различных уровней.

Berchanka N.

The implementation of the sustainable development goals at the regional level: problems and solutions

The article is devoted to the implementation of the sustainable development goals contained in the 2030 Agenda for Sustainable Development adopted by the UN member states in 2015. The problems hindering their successful implementation at the regional level in the Republic of Belarus are considered. The approaches to overcome these problems through the construction of a coherent system of sustainable development management at the regional level, including the definition, horizontal and vertical integration of development priorities with their consolidation in the strategic documents of the regional level are proposed; organizational support with involvement and taking into account the interests of all stakeholders; development of a set of indicators and the order of their monitoring; implementation of the principles of management and business decisions that meet the criteria of sustainable development.

Hanchar A., Chemiardouskaya M., Belavusau A., Lankuts E., Mitrafanav V.

National programs of foreign countries: the implementation of the 2030 Agenda SDGs

The article analyzes the approaches to the implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development Goals in the national development strategies of economically developed foreign countries. It is noted that national sustainable development strategies and programs developed after the adoption of the 2030 Agenda directly or indirectly and with varying degrees reflect the UN document provisions. It indicates the intention of the countries to guarantee the worthy life to each person, to provide opportunities for economic development, protection of natural resources and strengthening international cooperation.

Ivanov M.

On the issues of sustainable economic development in Brest region

The article analyzes the growth of Brest region's GRP in 2017, the key factors stimulating and interfering growth in the considered branches are shown. The author of the article has drawn the conclusion on stability of GRP growth, has given an assessment of the results of 2018 and forecasts for 2019.

Kovalevskaya A., Tyutyukov A.

Large cities as objects of regional policy

The article analyzes the role of large cities in the social and economic development of the Republic of Belarus, identifies their potential competitive advantages and the problems of their development at the present stage. Proposals are made to increase the efficiency of using the resources of large cities as driving force for the country's economic growth and to stimulate the development of satellite cities of the capital and regional centers.

Viartsinskaya T.

Legal and institutional forms of interregional linkages between Belarus and the EAEU member states

The problems of the current practice of participation of the regions of Belarus in the economic integration of the EAEU have been identified. Two forms of interregional (border) cooperation of Belarus with the EAEU member-countries are proposed, their peculiarities and differences are revealed. The use of the following acceleration of regional integration in the EAEU is substantiated: deepening of regional specialization; formation of points of integration growth in regions; creation of digital territories; social investment; giving economic cooperation to local communities (twin-cities). It concluded that there is potential for obtaining additional effects of integration of regions in the unified economic area of the EAEU taking into account the implementation of the proposed approaches.

Golikava H.

Indicators to estimate the budget efficiency of an investment project

Different approaches to the estimation of government participation in the realization of investment projects as well as the indicators of budget efficiency were considered. Basing on the critical analysis of advantages and disadvantages of applied indicators of government participation in investment project realization the author proposed a refined system of indicators and evaluation methods, allowing to determine the budget efficiency of a project as a whole as well as of each participant, and to assess the impact of the implemented project on budgets of various levels.

**Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического
института Министерства экономики Республики Беларусь
№ 10, 2018**

Свидетельство о регистрации периодического издания № 1231.

Ответственный за выпуск – Н.Г. Берченко

Над выпуском работали:

А.М. Стронгина – *редактирование*,
Е.Э. Дробышевская – *верстка*, Т.И. Какшинская – *корректурa*

Подписано в печать 22. 10. 2018 г. Формат 60x84 ¹/₈. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 8,17. Уч.-изд.л. 7,02. Тираж 112 экз. Заказ № 10.

Издатель и полиграфическое исполнение
ГНУ «НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь»:
ЛП № 02330/256 от 27 марта 2014 г.

220086, г. Минск, ул. Славинского, 1, корп. 1.
Тел./факс (017) 267-02-78
gnu-niei@mail.ru